

Нам нужна эта память

Сборник эссе к 67-летию Великой Победы.

Великий Новгород
2012

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Нам нужна эта память

Сборник эссе к 67-летию Великой Победы

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
2012

ББК 63.3 (2 Но) 62
Н 24

Н 24 Нам нужна эта память: сб.эссе к 67-летию Великой Победы / сост. А. Ф. Булгакова; под ред. А. Ф. Булгаковой; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2012. – 152 с.

ISBN

Эту небольшую книжку написали преподаватели, сотрудники и студенты Политехнического института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого — машиностроители, строители, архитекторы, дизайнеры, автомобилисты, теплоэнергетики. Взяться за перо этих, далеких от литературного творчества, людей вдохновили большая любовь к Родине и безграничное уважение к людям, которые выстояли и победили в годы тяжелых испытаний. В книжке собраны записанные студентами воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, блокадников, «детей войны» и тех, кто восстанавливал разрушенные города.

ББК 63.3 (2 Но) 62

ISBN

© Новгородский государственный
университет, 2012
© А. Ф. Булгакова составление, 2012

Содержание

- 9 Дневник моего деда
Виктор Карпушкин
- 14 А был он лишь солдат
Виктор Карпушкин
- 16 Шли на подвиг партизаны
Павел Григорьев
- 22 Война не щадит никого
Павел Григорьев
- 25 Беззаветно любить свой край
Павел Григорьев
- 31 Запомнилось голодное, безрадостное детство
Павел Григорьев
- 34 Им досталась на долю тяжёлая участь солдат
Павел Григорьев
- 36 Они просто любили и любят свою Родину
Мария Бабайцева
- 40 Пусть живые запомнят
Татьяна Сидоркина, Мария Бабайцева
- 47 Малая Книга Памяти моего рода в 20 веке
Валентина Михайловна Варламова
- 56 Это нельзя забывать!
Валентина Михайловна Варламова
- 58 Пол Европы прошагали, пол Земли
Владимир Омельчук
- 66 Их детство украла война
Олег Малышев, Алексей Михайлов
- 70 Я хорошо помню тот день
Алла Борисовна Якобсон

- 74 Как совпало — война, беда, мечта и юность!
Вероника Терещенко
- 78 Осталась в памяти война
Даниил Дмитриев
- 88 Смешалась с кровью память о войне
Игорь Шуляков, Александр Муравьев
- 93 Не бывает лёгких времён
Сергей Фатеев, Андрей Голубков
- 98 Я ушла из детства в грязную теплушку
Сергей Фатеев
- 104 Жить решил назло всему — и выжил!
Александр Баталов, Павел Ершов, Андрей Богданов
- 109 Они прошли все ужасы войны
Андрей Богданов
- 111 В далёкий край товарищ улетает
Андрей Сарин, Сергей Власов
- 116 Земля тонула в ярости огня
Полина Смирнова
- 120 Друзья-однополчане
Владимир Сергеевич Могилевский
- 136 Да, враг был храбр. Тем больше наша слава
Дмитрий Литягин, Орбит Оганесян
- 142 Теперь здесь памятник стоит
Марина Шарытина
- 144 Давали клятву партизаны
Анастасия Казенина
- 147 Мы помним
Анастасия Казенина

Вам, живым и павшим героям Великой Отечественной войны, посвящается этот сборник

*Пусть звенят ордена, позолотой сверкая,
Отголоском приказа: «Ни шагу назад!»...
...Честь и слава героям переднего края,
Поседевшим в боях от тяжелых утрат!*

Михаил Богданов (2000 г.)

Эту небольшую книжку написали преподаватели, сотрудники и студенты Политехнического института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого — машиностроители, строители, архитекторы, дизайнеры, автомобилисты, теплоэнергетики.

Взяться за перо этих, далеких от литературного творчества, людей вдохновили большая любовь к Родине и безграничное уважение к людям, которые выстояли и победили в годы тяжелых испытаний.

В книжке собраны записанные студентами воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, блокадников, «детей войны» и тех, кто восстанавливал разрушенные города.

**Владимир Петрович
Арапов**

Председатель Новгородского
областного
Совета ветеранов

Их рассказы
о военном времени
дают ощутить всю
глубину трагедии,
через которую
прошла страна.

Владимир Петрович Арапов

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках издание, в котором собраны воспоминания фронтовиков — участников Великой Отечественной войны, блокадников, труженников тыла, «детей войны», а также рассказы наших молодых современников о ратных и трудовых подвигах старших поколений.

Почти 70 лет назад закончилась Великая Отечественная война, но до сих пор публикуются новые документальные свидетельства всенародного подвига в годы суровых испытаний, воспоминания людей, которым выпала нелегкая участь защитников Родины.

Сразу после войны начали появляться мемуары выдающихся советских полководцев, серьезная художественная литература о войне, рассказы рядовых участников военных событий.

К сожалению, с каждым годом этих людей становится все меньше: сказываются возраст, ранения, болезни. К началу октября 2011 года в Новгородской области проживало всего 2660 фронтовиков. Многие из них прикованы к постели и не могут активно участвовать в общественной жизни, а ведь их воспоминания бесценны. Именно свидетельства непосредственных участников Великой Отечественной войны дают возможность узнать историческую правду, развенчать различные фальсификации. При этом фронтовики не стремятся преувеличить свои заслуги, выглядят лучше, чем было в действительности, не скрывают своих слабостей, промахов и ошибок.

Многие страницы сборника посвящены «детям войны», которые повзрослели до поры, узнав сиротство, голод, «хлебные» карточки, фашистскую неволю.

По 12-14 часов стояли у станков, работали в полях и на фермах подростки, заменив ушедших на фронт отцов и матерей. Их рассказы о военном времени дают ощутить всю глубину трагедии, через которую прошла страна.

Такие книги нужны для лучшего осмысления нашей недавней истории, и приходится лишь сожалеть, что людей, знавших войну «в лицо» становится все меньше.

Виктор Карпушкин

Смог бы?

Что потребует Родина за ордена,
Не узнаем, другая доля нам отведена.
Чего стоит сохранить надежды росток,
Мы не поймём никогда процентов на сто.

Какой ценой им удалось выстоять,
Спокойно идти на звуки выстрелов?
Думаю, нам с тобой никогда не понять,
Эти усилия просто немыслимы.

Не уверен, что смог бы из нас каждый,
Проявить себя точно так же?
Смог бы я, забыв про ужин и завтрак,
Сохранить надежду на завтра?

Смог бы правильно провести параллели
При этом сохранив веру в людей?
После налёта вражеской авиации,
Выжить и человеком остаться?

Я не хотел бы ответить на эти вопросы
Собственным опытом седых волос.
Мы слышали лишь войны отголосок,
Но и он заставил думать о ней всерьёз...

Виктор Карпушкин

Виктор Карпушкин
гр. 8061

Сам бы я не стал
расспрашивать
деда о том времени:
слишком тяжелы
те воспоминания.

Дневник моего деда

В музее города Тимашевска (в Краснодарском крае) хранятся уникальные дневники, принадлежащие перу Виктора Шмелёва, военного разведчика, офицера, журналиста. В его послевоенных дневниках — мучительные размышления о жизни и людях, суровая правда о жизни после войны.

Я никогда не разговаривал со своим дедушкой о войне. Мне вообще не удалось с ним поговорить: он умер за три недели до моего рождения. Меня называли Виктором в честь деда.

Мама рассказывала, что дедушка никогда не вспоминал военные годы, в их семье было не принято говорить о войне. Не знаю, стал бы он говорить об этом со мной, если бы жизнь сложилась иначе, и мы бы с ним встретились... Знаю только, что сам бы я

не стал его расспрашивать о том времени: слишком тяжелы те воспоминания.

Недавно мне в руки попали отрывки из дневника моего дедушки, который хранится в музее города Тимашевска, где завершилась его жизнь. В этих записях меня заинтересовали не столько рассказы о войне, сколько размышления о послевоенном времени; они заставили меня о многом задуматься.

Победители вернулись на Родину, где их ждали голод, разрушенные судьбы. Возвращение к гражданской жизни стало серьёзным испытанием для и без того истощённой нервной системы людей. Прочитав записи моего деда, я понял, что восстановление страны, возрождение её к жизни — настоящий подвиг, требующий, возможно, больших затрат времени и сил, чем сама победа над фашистской Германией. Ведь в каком-то смысле и сейчас на теле нашей страны, нашей земли можно заметить если не зияющие раны войны, то страшные послевоенные шрамы.

Я хочу привести записи моего деда. Думаю, он был бы не против...

ПОРОГИ

2 марта 1946 года, ст. Раевская

«Шёл 1940 год. Десятиклассники прощались с порогом школы. Весёлые, жизнерадостные, с множеством дум и мыслей. Ребят ждала армия, девушек — пороги высших учебных заведений. Всё лето в Новороссийске можно было видеть их шумные ватаги: в парках, в кино, в театрах, на пляже. Они веселились, отдыхали.

Год 1941-й. Армия. Бывшие десятиклассники стали солдатами. Они уже привыкли к серой шинели. Но те же мысли о будущем тысячами роились в их головах. «Окончу свою службу в армии, приду домой, а там опять учиться, учиться», — думали они. — «Хорошая штука армия, буду военным», — мечтали другие.

Но вот война. Год за годом шло суровое время. Год 1941-й, 42-й, 43-й, 44-й... Мечтать о будущем было некогда. Нужно было защищать Родину, бороться за свободу. Бывшие десятиклассники перешли через порог суровой и тяжёлой жизни. Фронт, бои, контузии, ранения, голод, холод. Всё видели, уже как бы ко всему привыкли.

И вот 45-й год. 9 мая. Победа — каким приятным и родным казалось это слово. Победа! Сколько было радости в этот день. Победа! Мы победили! Каждый чувствовал свою небольшую частицу в том, что это слово «Победа» наконец пришло. И каждый думал: «Мы, мы победили!».

И вот демобилизация. Домой! Ведь все думали о том, когда же домой вернёмся, с волнением ожидали приказа. Когда же я с серой шинелью расстанусь и переступлю порог гражданской жизни, когда же?

Но вот и этот день настал. Мы в поезде. Стучат колёса. И с каждым километром ближе дом родной. Скорее, надоело спать! Скорей!

Приехали домой! И радости, конечно же, не было конца. Встречают кого кто: кого жена, кого старуха-мать, кого сестра или брат. Встречаются друзья, знакомые. Идут беседы, разговоры, вопросы и рассказы... Но это же не вечно может длиться. Надо же что-то делать? А что?

Виктор Шмелёв

Виктор Шмелёв с семьей

Прошло пять лет с той поры, как мы расстались со школой. Война. Мы дрались. Закалывались, возмужали, стали старше. **Бывшие десятиклассники, а теперь уже демобилизованные бойцы с трудом узнавали друг друга.** Они вернулись в свой родной город. Но что им делать? Учиться? Да! Но как и где? Нужны штаны, тетради, хлеб, а где их брать? Ждать помощи от своих близких могут не все. Работать? Но надо учиться, а где? Специальности нет ни у кого. Многие вернулись инвалидами... И опять у каждого в голове тысячи дум... Когда-то и об этом мы будем вспоминать лишь, как о прошлом.

Чего хочется каждому из нас? Жить, учиться и быть человеком, полезным обществу, — и только. За жизнь боролись мы, мы победили. Значит, мы и должны сделать её радостной, большой и интересной».

ВИНОВАТА ВОЙНА...

«26 ноября 1946 года. Третий день живу без денег. В воскресенье за весь день съел тарелку борща и двести граммов хлеба. Вчера 150 граммов хлеба и только. И такая же картина сегодня. Написан отчёт о 2-м пленуме РК ВКП(б) и ещё пара небольших заметок. Газету надо выпускать, и писать приходится через силу. Приходит вспомнить суровые дни ленинградской зимы 1941-42 гг.

А жрать чертовски хочется, невыносимо, но не вешать же нос и не реветь от того, что нет ни копейки денег».

«30 ноября 1946 года. Суббота. Долгов 602 рубля. Ни копейки в кармане на то, чтобы жить. Терпение начинает лопаться. Жить лишь надеждами на будущее с каждым днём становится всё труднее и труднее. Радуюсь только крепости своих нервов. Только благодаря им, я ещё живу, как человек в смысле духовном. Только благодаря им я не превратился в какого-нибудь подленького и мелочного человека, который живёт лишь ради собственной шкуры».

«21 февраля 1947 года, пятница. Через день праздник — 29-я годовщина Красной Армии. На дворе весна, веет теплом, влагой, припекает солнце... Сам по-прежнему не живу, а существую. Никак не могу выбраться из идиотских долгов. Осталось как будто и немного, всего 600-700 рублей.

Учиться, даже на курсы стенографистов, и то не устроился. Не могу выкроить 82-х рублей денег, чтобы оплатить обучение. Идиотство. Квартира, на которой я живу сейчас — ни уму, ни сердцу. В комнате холоднее, чем на дворе, света нет. И вот, как бирюк, пришёл домой в 5 вечера — ложишься спать, так как сидеть в потёмках и холоде не будешь».

«7 июля 1949 года. Понедельник. В конце мая написал письмо Аньке. Ответа не получил. Не представляю, что могло случиться. Очевидно, обиделась на то, что не исполнил обещанного — не выслал денег. Винават и не винават. Винават, потому что не сдержал слова, а не винават, потому что не мог этого сделать...».

Виктор Карпушкин
гр. 8061

А был он лишь солдат

После моей встречи с Иваном Осиповичем Аксёновым прошло больше недели, а я до сих пор не могу до конца осмыслить, осознать то, что рассказал мне ветеран.

Конечно, все мы знаем историю нашей страны и понимаем, что в ней было много тяжелых периодов для народа. В общих чертах представляем себе, какой была Великая Отечественная война.

И в то же время, для большей части моего поколения это всего лишь главы из учебника истории, которые, как и любой другой

*Юрий Михайлович Левков
и Иван Осипович Аксёнов*

учебный материал, только со временем укладываются в голову. Но когда видишь, как события со страниц исторических хроник проецируются на судьбы людей, это уже не так просто понять и осмыслить, по крайней мере, мне.

Трудно представить, как наш народ и каждый человек в отдельности смог пережить все испытания, которые выпали на его долю в двадцатом веке, и при этом не сломаться.

Иван Осипович прошёл не только всю Великую Отечественную войну: ему довелось сражаться на Советско-Финской войне, а также на озере Хасан и реке Халхин-Гол. Не раз он оказывался, казалось бы, в безвыходных ситуациях, но все же, благодаря

мужеству и отваге, находил из них выход, который, как правило, был связан со смертельной опасностью.

Иван Осипович горел в танке, подрывался на mine, получал множественные осколочные и пулевые ранения, но, несмотря на это, после госпиталя возвращался к товарищам на фронт и продолжал самоотверженно сражаться с врагом.

Теряя в бою друзей, выполняя невыполнимые приказы, очень трудно остаться верным себе и сохранить достоинство, сберечь силу духа и не потерять надежду на лучшее. Однако Ивану Осиповичу это сделать удалось. Пройдя невероятно тяжёлые испытания, он смог вернуться к мирной жизни, создать семью, вырастить детей и, я бы сказал, стать примером для других новгородцев. Как Аксёнову удалось совершить такой подвиг, насколько это было тяжело, мне, наверное, никогда не понять.

Я могу лишь восхищаться такими людьми и верить в то, что и наше поколение несёт внутри огромный потенциал, который пока не раскрыт.

Прожив почти век (95 лет!), Иван Осипович сохранил прекрасное чувство юмора, которое снимало напряжение во время довольно продолжительной и серьёзной беседы. Поразительная точность и объём исторической информации, которой располагает ветеран, не могут не впечатлять. Доброжелательное отношение к людям и бережное отношение к их чувствам в целом пронизывают рассказ Ивана Осиповича о своей жизни.

Мне хотелось бы верить, что моё поколение и я лично когда-нибудь будем обладать хотя бы частью вышеперечисленных качеств. Как минимум, для того, чтобы нам не было стыдно перед героями — дедами и прадедами.

Павел Григорьев

Павел Григорьев
гр. 0061

Встречаясь с такими людьми, понимаешь, как много может сделать человек, если в нём развито чувство долга и ответственность за свою страну.

Шли на подвиг партизаны

Сергей Эммануилович Лебедев, фронтовик, командир 11-го партизанского отряда 3-й партизанской бригады под командованием А. В. Германа, 16 июля 2011 года отметил своё 90-летие.

Родился Сергей в селе Никольское Вологодской области. Окончил семилетку и поступил в Вологодское медицинское училище. Через год из-за болезни матери вернулся домой. В семье было пятеро детей. Старший брат устроился на работу вдали от дома, и все хозяйственные заботы легли на плечи Сергея. Он и корову доил, и сено косил, и хлеб пёк.

В 1940 году его призвали в Красную Армию. Служил в Литве во 2-ой танковой дивизии, во 2-ом отдельном артиллерийском

дивизионе. После окончания сержантской школы был назначен заместителем командира отделения.

19 июня 1941 года объявили тревогу. Наши войска подтянулись ближе к границе, заняли оборону. 22 июня в 4 часа утра немцы начали бомбить наши позиции. Поначалу бомбёжки были психологическими: кидали с высоты бочки с дырками, которые, падая, издавали такой свист, как будто с живых сдирали кожу. Это производило жуткое впечатление. А дальше начался настоящий ад.

Первую смерть боевого товарища Сергей увидел в окопе. Разорвался снаряд, и товарищ упал, заливая кровью воронку.

29 июня при объезде полков на танке Т-34 погиб командир дивизии генерал-майор Солянкин. На другой день дивизия была окружена. Из окружения выходили группами по 30 человек. Из группы Лебедева из окружения вышли только двое: одни погибли, а другие сдались в плен. Некоторые возвращались с листовками и агитировали сдаваться немцам.

Сергей Эммануилович вспоминает:

«Выходя из окружения, переплыли Северную Двину. Вышли прямо к костру, обсушились, поели, расспросили у местных жителей, как идти дальше. Пошли по течению реки Уща. Встретили ещё двух человек. Это были: И. В. Крылов (в будущем комбриг) и Н. А. Синяшкин (в будущем комполка). Они создавали партизанский отряд. Сказали, что принимают в отряд добровольцев, но при условии, что есть военная форма, документы и оружие.

При мне был комсомольский билет и красноармейская книжка. Меня и моего боевого товарища зачислили в группу Худякова».

Сергей Эммануилович обучался минно-подрывному делу в группе И. И. Сергунина, был разведчиком-диверсантом. Ходили на задания: нападали на немецкие машины, отбирали оружие.

Жили в землянках. В лесу было много колхозного скота, который не успели эвакуировать. Когда обнаружили амбар с пятью тоннами муки, раздали по деревням, чтобы сельчане пекли хлеб для партизан. Кормили два раза в день, на каждого в день приходилось по пол килограмма хлеба.

Дело шло к осени. Связи с Большой землёй не было, о существовании отряда там никто не знал. Как-то партизаны встретили в лесу трех человек с рацией, шедших на задание. Они помогли установить связь с Большой землёй, и уже в соответствии с планами штаба партизанского движения, отряд направился в сторону Осташкова. 8 ноября 1941 года с самолёта сбросили газету «Правда». Партизаны узнали о параде на Красной площади в Москве в честь очередной годовщины Октябрьской революции, и эту новость встретили с огромным воодушевлением.

В Осташкове 2-ая особая бригада Худякова соединилась с бригадой Литвиненко. Перед партизанами была поставлена задача — курсировать от Осташкова до старой литовской границы, уничтожать предателей, вражеские гарнизоны, осуществлять разведку для фронта и агентурную разведку. Замкомбрига по разведке был А. В. Герман. В разведку подбирались опытные, обстрелянные военные из командного состава.

Очень долго не было самолёта. Но когда выполнили приказ — обезвредить нашу разведчицу-радистку, завербованную немцами во Пскове, то за ней прилетел самолёт. На самолете партизанам доставили боеприпасы, газеты.

Бригада постоянно вела бои, пускала под откос немецкие эшелоны. Как-то у Валдая партизаны отбили у немцев скот и людей, приготовленных для отправки в Германию. Гранат было мало, станцию забросали толковыми пашками и взорвали железнодорожные пути.

Наступила весна 1942 года. Партизанской бригаде был дан приказ выйти в советский тыл, в Селеево, для переформирования. Шли большим обозом, было много раненых. Ждали обмундирование и обувь. Три дня принимали самолёты с сапогами, портян-

ками, фуфайками, продуктами на 700 человек. Затем двинулись в Осташков, на озеро Сиг. Там, в большой деревне, проходили учения. Бригада пополнялась новыми людьми, кормили в это время хорошо. Все были молодыми, поэтому, несмотря на усталость, после боёв охотно плясали и пели под гармошку.

Ветеран запомнил трудный переход по болоту: целых 12 км шли след в след, чтобы не угодить в топкую трясину. Шли двумя колоннами мимо Рдейского монастыря. Следовали по маршруту: д. Вечевницы — д. Захарово — д. Горки — д. Заполье — д. Биседки — д. Папоротно. Это был партизанский край.

5 августа 1942 года на партийном собрании в деревне Заполье Сергея Эммануиловича приняли в члены партии и назначили политруком разведки штаба бригады.

Шли тяжёлые бои. Партизанам не положено было вести позиционные бои, но в бригаде была пушка с шестью снарядами. И надо было разрушить мост через реку Полисть, чтобы задерживать немцев. Мост разрушили, стреляя из пушки.

В боях теряли очень много людей. Раненых вывозили самолётами. Тяжело было смотреть на раненных в живот, истекающих кровью товарищей.

Часть бригады под командованием Худякова осталась на месте для прикрытия, а другая часть под командованием Германа двинулась на Струги Красные. Действовать там постоянно было

Сергей Эммануилович Лебедев

нельзя. У немцев были сильные укрепления, и негде было принять самолёты.

Наступило очень тяжёлое время. Немцы загнали партизан в район Порхова на остров Св. Елены среди болот. Самолёт сбросил на каждого по два сухаря да по пачке концентратов. Этот остров партизаны прозвали Голодным. Вышли из окружения у деревни Горюшки. Первым делом всех накормили, а потом началась борьба со вшами. Тифа, к счастью, удалось избежать. За одну ночь приняли 15 самолётов с продуктами и боеприпасами.

Началось бурное пополнение бригады. 1942 год был самым трудным. Тяжело приходилось во время весенней, зимней, осенней карательных экспедиций немцев против партизан. И предатели из местных жителей чинили зверства. Одна женщина бросила люльку с ребёнком и с чердака в упор стреляла по партизанам. Партизаны только в Белоруссии стояли в лесах. А у нас жили в населённых пунктах или рядом с ними, поддерживали связь с местным населением, а, бывало, в школах устраивали тематические вечера, концерты художественной самодеятельности.

16 мая 1943 года Сергея Эммануиловича назначили комиссаром отряда, а 12 июля 2-ю особую бригаду переименовали в 3-ю Ленинградскую партизанскую бригаду.

Однажды партизанам пришлось принять бой. Начальник разведки С. Д. Пенкин доложил Герману, что без боя не прорваться. Герман приказал выходить через деревню Житница Новоржевского района Псковской области. В этом бою 6 сентября погиб он сам, и партизаны понесли огромные потери: погибло 52 человека. Похоронили А. Германа в Валдае. Бригаду переименовали в 5-ю Ленинградскую партизанскую бригаду имени Германа. В феврале 1944 года ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

22 марта, по соответствующему приказу Сталина, Сергей Эммануилович был направлен на хозяйственную работу в Поддорье. Там его назначили зав. военным отделом Белебелковского отдела ВКПб. Он должен был поддерживать связь с военкоматом;

готовить сапёров для работы по разминированию, так как армия пока дать их не могла; работать с молодёжью, обучать трактористов, принимать из эвакуации и обустривать семьи фронтовиков. Он был комиссаром истребительного батальона, ходил с финкой и автоматом, так как в лесах орудовали банды.

Через три года министр сельского хозяйства назначил Лебедева директором Перегинской МТС.

Родина высоко оценила его ратный и мирный труд, наградив многими высокими наградами. Находясь на заслуженном отдыхе, Сергей Эммануилович в течение 23 лет возглавлял Совет ветеранов войны, труда, Вооружённых Сил и правоохранительных органов. Был председателем комитета народного контроля, целых 20 лет был лектором-международником Новгородского обкома КПСС.

В настоящее время ветеран принимает активное участие в нравственном и патриотическом воспитании подрастающего поколения.

1 августа 2011 года Лебедев принимал участие в мероприятиях, посвящённых 70-летию партизанского края в пос. Поддорье.

Встречаясь с такими людьми, как Сергей Эммануилович Лебедев, понимаешь, как много может сделать человек, если в нём развито чувство долга и ответственность за свою страну. Мы не забудем погибших в боях за Родину, тех, кто не вернулся домой в мае 45-го. **Но прежде всего мы должны быть внимательны к тем, кто живёт рядом с нами, а в те далёкие годы рисковал своей жизнью, приближая Победу.**

Павел Григорьев
гр. 0061

Война не щадит никого

Дедушка моей ровесницы, Ксении Матвеевой, из деревни Бураково Поддорского района много рассказывал о войне. А когда его не стало, в семье осталось письмо... Это письмо — его горькие воспоминания о войне.

Великая Отечественная война вошла в каждый дом, и трудно перечислить те неисчислимые беды, которые она принесла советским людям.

Иван Григорьевич рос в большой и дружной семье: мать Анастасия Павловна, отец Григорий Николаевич, четыре сестры — Анфиса, Евгения, Раиса, Нина, — брат Николай и сам, Иван Григорьевич, родившийся в 1935 году. Когда началась война, ему исполнилось 6 лет. Старшей из детей, Анфисе, было 12 лет, а младшей, Нине, — около года.

Семья жила обычной деревенской жизнью в деревне Каменка, недалеко от пос. Белебелка, пока не наступил 1941 год. С началом войны жизнь резко изменилась. Отца призвали на фронт, и чтобы выжить, всем приходилось много работать, в том числе и детям.

В 1943 году немцы начали угонять в Германию жителей

Иван Григорьевич

Белебелковского (теперь Поддорского) района. Вот что писал Иван Григорьевич в своих воспоминаниях:

«В декабре 43-го года немцы ночью увозили людей из Ямновского сельсовета, в том числе из нашей Каменки. Грузили на машины и увозили. Нашу многодетную семью оставили в соседней деревне Ерзовка. Увезли всех, остались только две семьи, наша в том числе. Через несколько дней за нами приехали на лошадях и увезли на станцию, в деревню Сенцово, недалеко от Белебелковского района.

Нас посадили в вагон и увезли в неизвестном направлении. Мы видели, как на какой-то станции в вагоны погрузили очень много детей. Туда же отправили и нашу семью. Нас долго возили туда-сюда, взад-вперёд, гремели вагонами, отцепляли их и прицепляли. Потом мы узнали, что вместо детей немцы возили какие-то грузы. Когда мы, наконец, поехали в сторону Германии, за нашим поездом немцы пустили ещё один состав, который вскоре взлетел на воздух.

В Германии нас разместили в лагерных бараках на голых досках. Лагерь находился примерно в километре от города Шнайдемюль (теперь это польский город Пила). С нами были дети из Украины, Белоруссии. В лагере нас подержали несколько дней, потом отправили в Демин, а там — загнали в подвал. Это было недалеко от разводного моста. Когда нас везли, я видел на реке какие-то суда.

В Демине нам под видом молока стали давать какую-то мерзкую жидкость. Её даже просто взять в рот было противно, не то, чтобы пить. Но нас плётками заставляли пить: хочешь не хочешь, а выпьешь. После этого у нас всё невыносимо горело внутри. Мы хватали и жадно пили воду, но от этого становилось только хуже. Это повторялось два-три раза. После таких «микстур» нас сразу же увезли в лагерь Шнайдемюль, в тот же барак.

Вот тут дети начали умирать один за другим. Из нашей семьи умерло четверо детей. Каким-то чудом выжили только мы с Анфисой. До сих пор не понимаю, как нам это удалось, и какой чудовищный эксперимент с нами проводили.

Иван Григорьевич

Выжившим принесли тюфяки и одеяла. Лагерных номеров у нас не было, брали только отпечатки пальцев. Я потерял счёт времени и не знаю, когда нас опять посадили в вагоны и повезли. Привезли в Брест. Загнали в какой-то дом, вокруг — колючая проволока в два ряда».

Когда наши войска освободили Брест, Ивана Григорьевича и других детей вернули домой.

Закончилась война. Маленький Ваня вырос. Всю жизнь он много работал, заботился о своей семье, но страшные, испепеляющие душу воспоминания всегда оставались с ним. Теперь Ивана Григорьевича, бывшего малолетнего узника детского концлагеря, нет. Но его страшные воспоминания

о войне хранят внуки и правнуки, как напоминание нам, ныне живущим, что мы должны сделать всё, чтобы это никогда не повторилось.

Павел Григорьев
гр. 0061

Беззаветно любить свой край

Почётный гражданин города Старая Русса, Алексей Иванович Лобанов, родился в 1923 году на хуторе Туловец Пушкинского района Псковской области.

Его отец, Иван Алексеевич Климов-Лобанов, выпускник учительской семинарии, отменно играл на гармонии. Жили в большом доме, в 9 окон. Во дворе было много хозяйственных построек, большой сад и пасека в 40 ульев. В семье было пятеро детей: Женя, Лариса, Лиля и Аня. Алексей был самым младшим.

Когда Алёше было полтора года, отец, перебираясь весной через реку по уже подтаявшему льду, провалился в воду, сильно простудился, и через семь недель умер, 35 лет от роду. Поэтому всем детям с ранних лет приходилось много трудиться. Работали в огороде, в поле, на сенокосе.

Алексей Иванович Лобанов

У Алексея в 6-летнем возрасте обнаружилась хромота, поэтому работу ему давали по силам. В этом же возрасте он пошёл в школу. Учился очень хорошо, хотя путь в школу был неблизкий — приходилось добираться лесом полтора километра.

В 30-е годы началась коллективизация, и семью раскулачили. Немедленно выселили

Алексей Иванович Лобанов с семьей

трет Пушкина. Запомнились дедушкины рассказы о древних городищах: Ворониче, Вреве».

Весной 1936 года семья перебралась в Старую Руссу. Было очень трудно с жильём и с работой. Здесь Алексей пошёл в 5-ый класс железнодорожной школы. Не давала покоя больная нога. Сначала было просто трудно ходить, а потом болезнь настолько обострилась, что начались нестерпимые боли. Местная медицина была бессильна. И тогда подросток написал письмо «Всесоюзному старосте» Михаилу Ивановичу Калинин. С его помощью удалось попасть в Ленинградский институт хирургического туберкулёза.

Мальчику сделали сложную операцию, но никто никогда не слышал его жалоб и не видел его слёз. После семилетки Алексей поступил в Старорусское педагогическое училище. Там участвовал в художественной самодеятельности, играл на скрипке.

из дома, не дав собрать даже самые необходимые вещи. С этого дня в семье начались беды.

Приютили Лобановых родственники на хуторе Дубецком. Было очень тесно. Жили впроголодь, одевались кое-как. Подрабатывали на стройке подсобными рабочими, заготавливали грибы и ягоды. Алексей Иванович пишет в своих воспоминаниях:

«Несмотря на трудности и сплошные несчастья, которые мы испытывали, родная Псковщина глубоко запала в душу. С детства из рассказов дедушки запомнил, что это Пушкинский край. В нашем доме всегда висел портрет Пушкина.

В училище его избрали секретарём комсомольской организации. Он много читал, полюбил историю. Студенческая жизнь была интересной, яркой и насыщенной.

Когда началась Великая Отечественная война, старшие сёстры были мобилизованы и отправлены на фронт. Алексей участвовал в эвакуации фанерного комбината, в строительстве оборонительных сооружений. Когда немцы начали бомбить Старую Руссу, они с матерью, сестрой Лилей и другими жителями города отправились по Рамушевскому шоссе к Демянску. Добравшись до деревни Кленки, они вместе с местными колхозниками копали противотанковые рвы, рыли окопы по берегам рек Полисть и Пола.

Когда стали эвакуировать Демянский район, Лобановым пришлось двигаться дальше. Приехали в Горьковскую область и остановились в деревне Олониха, в 20-и километрах от города Семёнов. Пошли на работу в колхоз. Вскоре ушла на фронт последняя из сестёр — Лиля.

Алексей Иванович Лобанов с сестрами

В 1944 году пришла похоронка на сестру Аню. Она была убита немецким снайпером в деревне Ям-Ижора под Ленинградом.

В этом же году Алексей Иванович поступил на заочное отделение педучилища в городе Ветлуга. В августе 1945 года, сразу после войны, Лобановы вернулись в Старую Руссу.

Из воспоминаний Алексея Ивановича:

«Вокзала не было. Его заменял деревянный барак. От вокзала просматривался весь город, вернее,

то, что от него осталось: сплошные руины и коробки домов авиагородка. Утром пошли осматривать город, но даже улиц не узнавали. Зато сколько встреч со знакомыми людьми! Остановились в небольшом домике двоюродной сестры Ольги».

Алексей Иванович получил назначение в среднюю школу №1. Ему дали первый класс. В 1946 году без экзаменов поступил в педагогический институт. Через 3 года стал работать уже с пятиклассниками, доводя их до выпуска.

В 1948 году на улице Возрождения начали разбирать полуразрушенное здание общежития педучилища. На этом месте Лобановым разрешили построить дом из отобранных ими кирпичей. Впервые с 1933 года они обрели собственное жильё.

В 1948 году открыли школу №2, и Алексею Ивановичу удалось туда попасть. Эта школа стала его судьбой. Он проработал в ней 34 года: с 1949 по 1983 год. В 1951 году школа переехала в восстановленное здание на набережной Достоевского.

Незадолго до этого в жизни Алексея Ивановича произошло важное событие. В школу приехала молодая учительница немецкого языка, Надежда Ивановна. Они познакомились, дружились и в 1950 году сыграли свадьбу. Родились две дочери: Ирина и Людмила.

Уроки географии Лобанов проводил очень интересно. Учил пользоваться картами, показывал фильмы, читал из журнальных статей рассказы о разных странах. Даже стихи читал.

Любовь к путешествиям, к истории и природе своей Родины подтолкнули его к организации школьного кружка краеведения и туризма. С 1951 года он совершал с учениками походы по местам древних захоронений, по пушкинским местам, к истоку Волги. Кружковцы изучали бассейны рек Порусья, Пола, Шелонь, Ловать, и эта работа была высоко оценена Ленинградским управлением гидрометеослужбы. Участники походов побывали на территории легендарного «Партизанского края», на месте гибели командира партизанской бригады С. М. Глебова и Героя Совет-

ского Союза Лёни Голикова, изучали путь героического батальона капитана Величко, встречались с бывшими партизанами и даже побывали в одном из партизанских лагерей в деревне Серболово.

На протяжении нескольких лет вся школа изучала боевой путь легендарной 8-ой гвардейской Панфиловской дивизии, побывала на местах её боёв в деревнях Яблоново, Ожедово, Подцепочье, Соколово, Бородино, где погиб автоматчик Тулегей Тахтаров.

В 1961 году в сопровождении бывшего командира разведки 4-ой Старорусской партизанской бригады Владимира Ивановича Кухарева совершили поход по боевому пути бригады. Побывали на месте гибели штаба в деревне Острая Лука, провели встречи с ветеранами партизанского края, осмотрели места стоянок старорусских партизан, их землянки, линию обороны. Встретились с участниками партизанского обоза, доставлявшего продукты в осаждённый Ленинград, с родителями юных героев-партизан: Лёни Голикова, Григория Фреймана, Яковлева, Егорова, Лены Степанской.

В 1964 году к 20-летию освобождения Старой Руссы от фашистских захватчиков юные краеведы под руководством Алексея Ивановича Лобанова участвовали в возрождении городского краеведческого музея. Был организован и проведён вечер «Старорусские партизаны», на который были приглашены ветераны партизанского движения.

Участники кружка туризма и краеведения не только изучали природу, население, предприятия родного города, его историю, особенно события Великой Отечественной войны, но и были участниками Всесоюзных экспедиций, Всероссийской конференции юных краеведов, где рассказывали о своих походах и встречались с героями-лётчиками Папаниным и Маресьевым.

В 70-х годах Алексей Иванович начал свою работу в Старорусском экскурсионном бюро, где проработал до конца 80-х годов. Водил экскурсии по городу, а также возил экскурсантов в Новгород, Ленинград, Москву, Белоруссию, Прибалтику. Его экскурсии нравились людям: однажды в «Книге отзывов» люди написали, что экскурсия прошла, «как хорошая песня».

В 1971 году в городе был образован клуб «Краевед». Его членами стали учителя, художники, библиотекари; состоял в нём Георгий Иванович Смирнов, бывший тогда директором музея Ф. М. Достоевского. Посещал клуб и Алексей Иванович Лобанов.

В то время в газете «Старорусская правда» была страничка краеведа. Он часто писал туда заметки об известных людях города.

Алексей Иванович жил в Старой Руссе с 1936 года, до пенсионного возраста работал учителем географии в школе №2, в послевоенные годы активно участвовал в восстановлении города, разбирал руины, сажал деревья. После работы трудился на восстановлении школ и стройках города.

Много внимания уделял воспитанию у молодого поколения чувства патриотизма, любви к родному краю. Занимался восстановлением культурных объектов города.

Лобанов награждён пятью медалями и грамотами Министерства просвещения РСФСР. За многолетнюю работу по развитию краеведения в 1998 году Алексею Ивановичу Лобанову присвоено звание «Почётный гражданин города Старая Русса».

Мы не можем, не имеем права забывать о тех, кто внёс значительный вклад в развитие нашего Старорусского края, кто добросовестно трудился, отдавая все свои силы, знания и опыт родному городу. Очень хочется, чтобы нынешние и будущие поколения жителей города знали имена тех людей, энтузиазмом и стараниями которых было сделано многое для нашего города. Одним из таких людей является Почётный гражданин города Старая Русса Алексей Иванович Лобанов.

Павел Григорьев
гр. 0061

Запомнилось голодное, безрадостное детство

Галина Алексеевна Алексеева родилась в 1937 году. Когда началась война, ей не было и 4-х лет. О таких говорят: «Дети войны».

Галина Алексеевна вспоминает:

«До войны мы жили на берегу Каспийского моря в городе Махачкале. Родители работали инженерами на военном заводе. Меня и старшего брата воспитывала пожилая няня.

О том, что началась война, мы узнали от мамы. Папу сразу же призвали на фронт, а мама занялась эвакуацией завода, который готовили к отправке в Алма-Ату.

Свои вещи мы сложили в большой сундук. Людей с вещами погрузили на баржу. От качки у меня началась «морская» болезнь. Когда добрались до берега, нас пересадили в теплушки. В каждый вагон определили по 8 семей. Расположились на нарах в два этажа. Нам разрешалось выглядывать из окон.

Галина Алексеевна Алексеева

Ехали долго. На станциях останавливались, ходили за кипятком. В степи разжигали костры и варили кашу. Затем ехали дальше. Так добрались до Алма-Аты. На станции нас встречали. На грузовике привезли в огромный школьный спортивный зал; там же нас кормили. А через три дня начали расселять по домам.

Мы вчетвером (мама, я, брат и няня) получили комнату и кухню с печкой в частном доме на втором этаже. Печку топили саксаулом, который давали по заводским талонам. Хозяева жили на первом этаже. Мне запомнилось, что в комнате был почему-то кирпичный пол. Все спали на высоком и широком топчане. Мама прятала в него ценные вещи и уютюг.

Меня с братом устроили в детский сад, где мы жили всю рабочую неделю. А мама работала на заводе, на другом конце города, спала прямо на чертёжном столе. Питалась там же, в столовой. По талончикам получала в день по 400 граммов хлеба. Чтобы не съесть хлеб сразу, его прятали.

На выходные мама приходила домой и вела нас в баню. Няне из-за нужды пришлось искать работу».

Галина Алексеевна хорошо помнит детский садик, который располагался в горах или в предгорье. Весной детей водили на экскурсию смотреть, как растут огромные белые подснежники. В садах росли крупные яблоки. Иногда мама приносила в детский садик кашу: мамалыгу с растопленным салом. Про войну дети не слышали. Но однажды воспитательница привела к ним в группу очень замкнутую и молчаливую девочку из Ленинграда. Через месяц эта девочка освоилась и заговорила. И даже научила всех петь песенку: «Шарик Жучку взял под ручку, стали польку танцевать. А Барбосик, чёрный носик, стал на дудочке играть».

Однажды мама повезла детей на огород (участки давали от завода). На огороде сажали кукурузу, и заводчане по очереди ее поливали, открывая и закрывая арык. Мама варила кукурузные

початки, которые казались детям очень вкусными. Кукурузы было много, поэтому ее мололи, а из муки варили мамалыгу.

Шло время. Настала пора идти в школу. Из ткани песочного цвета, присланной американцами по ленд-лизу, мама сшила Галя школьное платье. В классе было 43 ученика. Галя удивилась и обиделась, когда за палочки-крючки ей сначала поставили «тройку».

В мае они услышали по репродуктору, что закончилась война. А в сентябре приехал отец. Встречали его у дома. Галя помнит, как шли двое военных. Она не узнала отца и бросилась на руки к его товарищу.

Отец забрал семью в Москву, где устроился на военный завод инженером по горячей обработке металлов. Жили в одной комнате, спали на сундуке, топили печку. Потом отца отправили в Икшу, под Москву — организовывать в детской трудовой колонии работу горячего цеха.

В 1955 году, после окончания школы, Галина Алексеевна поступила в медучилище в городе Дмитрове Московской области. Окончила его в 1957 году с отличием. Работала фельдшером: сначала в городе Себеж Псковской области, а затем — во Пскове. По направлению поступила в мединститут в Калинин (нынешней Твери). С 1966 года, почти полвека, живёт в Старой Руссе. Воспитала двух дочерей. До выхода на пенсию много лет возглавляла станцию переливания крови.

Павел Григорьев
гр. 0061

Им досталась на долю тяжёлая участь солдат

Вряд ли можно найти семью, которую эта страшная война обошла стороной. В нашей памяти живут тяжёлые, горькие воспоминания о ней.

Семь десятилетий отделяют нас от тех суровых дней. Хотя, если подумать, не так давно это было. И живы ещё те люди, поседевшие и искалеченные, которые, в ожесточённых боях защищали нашу Родину. Как жаль, что некоторые мои современники уже стали об этом забывать...

В нашей семье бережно хранятся дорогие для нас реликвии: фотографии, письма, награды...

Из воспоминаний моей бабушки я знаю, что мой прадед, Матвеев Ардалион Ардалионович, пропал без вести. Сохранились его фотографии и письма — треугольники с фронта. Последнее письмо пришло из Ярославля. Значит, путь его шёл к Сталинграду.

А вот своего другого прадеда, родного брата Ардалиона, я знал лично. Звали его Угольников Пётр Матвеевич. Был он участником Сталинградской битвы, Заслуженным юристом России, членом КПРФ. Он родился 1 января 1920 года в деревне Милятино Валдайского района.

Пётр Матвеевич не любил вспоминать о войне. Из его скурых рассказов я запомнил, что он воевал в Харькове, а с августа 1942 года — в Сталинграде. Он рассказывал, как, выходя из окружения и теряя боевых товарищей, плыл в дырявой лодке на левый берег Волги. Вёсел не было, грести приходилось каской. В Сталинграде видел пленных немцев.

Затем была Керчь. Прадед вспоминал, как удерживали небольшой плацдарм: кругом вода, постоянные обстрелы, питались сухарями. Так продержались несколько месяцев, пока наши не освободили Крым.

Закончил войну в Бреслау (польский город Вроцлав).

Шесть лет Пётр Матвеевич не снимал военной формы. Когда вернулся домой, пошёл работать в Старорусскую прокуратуру. Заочно учился на юридическом факультете Ленинградского университета. Потом работал прокурором в Старорусском, Любытинском, Валдайском районах.

В течение 10 лет Угольников был прокурором Новгородской области, затем 15 лет — прокурором Белгородской области. Выйдя на пенсию, вернулся в Новгород и работал в отделе реабилитации при прокуратуре.

Прадед много читал, особенно любил мемуары о войне. Всегда был общительным, подвижным, охотно работал на даче, был активистом ветеранского движения в области. В составе областной ветеранской делегации 2 февраля 2003 года ездил в Волгоград на празднование 60-летия победы в Сталинградской битве.

В 2004 году Пётр Матвеевич Угольников умер.

К сожалению, уходит поколение, вынесшее тяжёлый груз войны.

Давайте будем помнить о павших и больше заботиться живущих ветеранах. О тех, кто совершал ежедневный подвиг ради мира на земле, во имя нашей Родины, ради того, чтобы мы жили.

Пётр Матвеевич Угольников

Мария Бабайцева

Мария Бабайцева
гр. 7061

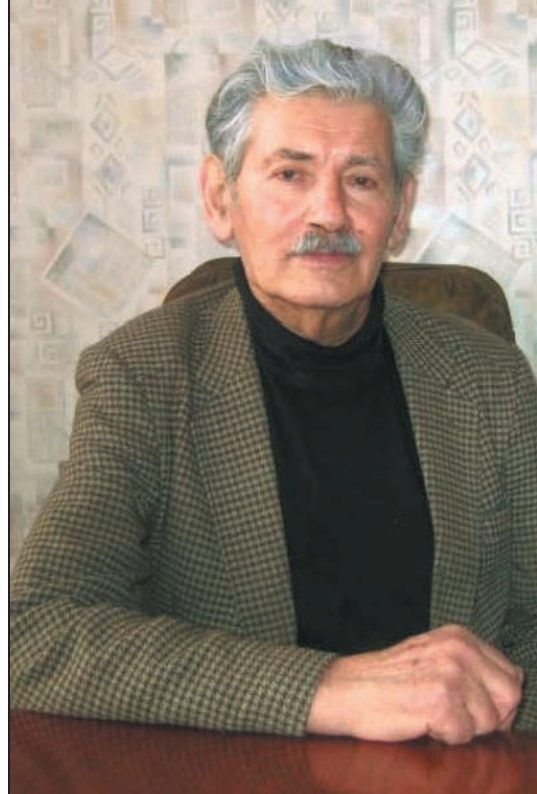
Они не ждут
благодарности,
чинов и почестей.
Они просто
любили и любят
свою Родину.

Они просто любили и любят свою Родину

Война — самое трагическое событие в жизни людей. Она несёт с собой боль и утраты, жестокость и разрушение, страдание многих людей и, в первую очередь, детей.

Во все времена войны приносили смерть и разрушение, ничего не созидая. Особенно трагической была Великая Отечественная война. **Её не случайно назвали Великой — она подняла на борьбу со злом весь народ огромной страны.**

Каждый человек в эти страшные годы стремился своим трудом на фронте и в тылу сделать всё, что было в его силах, чтобы приблизить Победу. В этой борьбе, наравне со взрослыми, активное

Ефим Наумович Ланин

участие принимали дети. Об этом свидетельствуют воспоминания члена Совета ветеранов НовГУ Ланина Ефима Наумовича.

«Я отношусь к тому поколению людей, — рассказывает Ланин, — которое скоро уйдёт из жизни, и молодым даже не у кого будет спросить, как всё было.

Я хочу рассказать о тысячах и даже миллионах детей и подростков, которые тоже внесли свой вклад в Победу. Они в годы войны были лишены многих детских радостей, им некогда было читать книжки или гонять во дворе футбольный мяч. Я — один из них.

А начиналось всё так. Было лето, долгожданные каникулы. Я тогда закончил 4-ый класс. Мы, мальчишки, играли в разные подвижные игры, носились по двору, ходили в кино. Ещё накануне всё было, как всегда, и ничего не предвещало беды.

И вот, в воскресенье утром чувствую — меня кто-то тормошит: «Фима, просыпайся, война началась...». Я думаю: «Бред какой-то, это сон, наверно». Слышу опять: «Просыпайся, война началась!». Вижу, надо мной склонилась мать, рядом стоит сестра.

— Мама, какая война?

— Война с Германией...

— С кем? — удивился я. — Да не может быть. Ты что-то путаешь.

— Уже бомбят города, и над нами тоже пролетали самолёты.

Выскочил на улицу. Там мальчишки уже сбились в кучу — обсуждают новость. Никто не мог поверить в случившееся.

Сначала мы хотели из посёлка уехать к моему деду, который жил в 15 километрах от нас, ибо уехать дальше уже не рассчитывали. Но на всякий случай пошли на железнодорожную станцию. Уехать сразу не удалось, потому что эшелоны были загружены военной техникой и ранеными.

На станцию налетели немецкие самолёты, и мы впервые подверглись обстрелу. Зрелище было ужасное — уцелевшие и раненые, пытавшиеся укрыться под вагонами, опрокинутая техника... Женщины с детьми убегали и прятались в лесу. Когда обстрелы стихали, мы возвращались и помогали разбирать сараи на настилы для раненых. Постепенно к новым обстоятельствам привыкли и стали меньше бояться.

На станции мы пробыли дней 8-10, пока нам не удалось, наконец, уехать. Наш эшелон направлялся в Москву, но в город никого не пускали. Поэтому нас вернули в Тулу, а оттуда отправили в Тамбов. Там беженцев распределили по близлежащим населённым пунктам. Нас с матерью и сестрой отправили в село Отхожее.

Первое время мы ходили в школу, но потом пришлось из школы уйти и начать работать, чтобы помогать матери. Работал я и на сушке зерна, и на сортировке, и на молотилке. Было плохо с продуктами, мы недоедали. Летом, правда, было полегче. В садах и огородах созревал урожай, можно было поддержать силы фруктами и овощами. Потом нас перебросили на уборку конопли, и там мы работали до ноября.

Неожиданно нас нашёл отец. Когда мы уезжали из дома, он был в командировке в Красноярском крае. До сих пор удивляюсь, как ему это удалось в военной неразберихе.

Вскоре война докатилась и до Тамбовской области. Начали над головой летать немецкие самолёты и бомбить города и сёла. Отец сказал, что нам надо ехать дальше. Отца призвали в армию, а нас отправили в Киргизию. Там мы жили до 1944 года, пока не освободили наше родное село.

Когда мы вернулись домой, немцы уже отступили на 120 километров. Но мы ещё долго ночами наблюдали, как лучи прожекторов ошупывают небо, и небо гудит со страшной силой. Однако уже ощущался дух Победы...».

Сегодня дети войны стали нашими дедушками и бабушками, но их память хранит события военного времени. Государство по достоинству оценило труд детей в годы войны, наградив их медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.».

Но им будет вдвойне приятно, если мы, сегодняшнее поколение, будем интересоваться их жизнью, трудным военным детством, будем рассказывать о них другим.

Они не ждали и не ждут благодарности, чинов и почестей. Они просто любили и любят свою Родину.

Мария Бабайцева

Татьяна Сидоркина
Мария Бабайцева
гр. 7061

Победили
не сытые
фашисты,
а измученные
голодом, холодом
и болезнями
русские люди.

Пусть живые запомнят

**Бейся, сердце! Стучи, несмотря на усталость,
Слышишь: город клянётся, что враг не пройдёт!
... Сотый день догорал. Как потом оказалось,
Впереди оставалось ещё восемьсот.**

Юрий Воронов «Сотый день»

«1941 год. Я на даче. В Стрельно, под Ленинградом. Вдруг по репродуктору объявили войну. Тогда ещё все плохо понимали, что случилось. Мы, дети, всю веселились — хватали палки, стучали ими по забору и кричали: «Внимание! Внимание! На нас идёт Германия!», — так Агнесса Георгиевна Любимова (в девичестве Обрезкина) вспоминает начало войны».

Татьяна Сидоркина

Но вот немцы стали быстро приближаться по Балтийской железной дороге, и Обрезкины уехали в Ленинград. Там 1 сентября Нэта (ей было 13 лет) пошла в школу, а уже 7 сентября была первая бомбёжка. **Наверное, только увидев разрушенные снарядами дома, все поняли, что надвигается что-то страшное.**

Вскоре стало плохо с едой. Обрезкины не сразу стали голодать. Мама тогда часто пекла пироги с визигой. Визига — сухожилия красной рыбы, расположенные вдоль рыбьего хребта. Визигу мелко рубили, а потом варили, и из полученного продукта пекли пироги.

«В доме, — продолжает Агнесса Георгиевна, — была лошадь. Она то ли пала сама, то ли её убили, но нам от её мяса ничего не досталось. Зато достался овёс, который мы смогли на что-то обменять. Кроме того, мой отец был столяром, поэтому у нас остались плитки столярного клея, внешне очень похожие на плитки шоколада. Мама замачивала их в воде, которая становилась чёрной. Воду сливали, а оставшийся желатин разводили горячей водой и ели. Позже варили и ели ремни, узкие такие, видимо, для военных.

Жили мы на углу Невского и Маяковской, дом № 3. В нём раньше проживал Анатолий Фёдорович Кони, знаменитый юрист, о чём свидетельствует мемориальная доска. В нашем доме было бомбоубежище, и, как только звучал

сигнал тревоги, люди спускались вниз. Всё было довольно-таки неплохо организовано. Для детей имелось отдельное помещение. Когда начиналась бомбёжка, нас встречали, рассаживали, приносили воду».

Дети учились. В 1941-42 годах Нэта ходила в 207-ю школу, которая была в Куйбышевском (сейчас Центральном) районе. Какие были уроки, сейчас уже трудно вспомнить. Сидели при фитильке, учительница что-то рассказывала. Иногда привозили бидон с горячей едой — водичка не водичка, суп не суп. Дети говорили про него: «Крупинка за крупинкой бегают с дубинкой».

1941-42 годы — это темнота, голод, холод, очереди за хлебом и трупы. Стала обычной скоропостижная смерть прохожих на улице: люди шли куда-то по своим делам, падали и мгновенно умирали. Специальные похоронные службы, состоящие, в основном, из молодых девушек и женщин, ежедневно подбирали на улицах сотни трупов.

Люди от голода и холода настолько ослабели, что не сопротивлялись смерти. Умирали так, как будто засыпали. А окружающие полуживые люди не обращали на них никакого внимания. Смерть была на каждом шагу. К ней привыкли, появилось полное равнодушие: ведь не сегодня-завтра такая участь ожидает каждого. Утром, выходя из дома, натывались на трупы, лежащие в подворотне, на улице. Мужчины умирали гораздо быстрее, чем женщины.

В большинстве случаев семьи вымирали не сразу, а по одному, постепенно. Жили, пока кто-то мог ещё ходить, приносить продукты по карточкам.

Улицы были занесены снегом, который не убирался всю зиму. Поэтому передвижение было затруднительно.

За хлебом ходила Нэта. Утром, когда ещё было темно. Окна в подъезде были забиты фанерой. Однажды на лестнице она споткнулась, упала. Почувствовала что-то мягкое, тёплое. Когда шла обратно, увидела, что это труп. Трупы просто выносили из квартиры в подъезд, так как не было сил нести дальше. На-

против дома была Куйбышевская больница. Там выделили особое помещение, куда и свозили всех покойников. Кто мог, отвозил сам на саночках, а остальных забирали санитары.

В конце зимы 1942 года, когда стало теплее, целый месяц на Пискарьёвское кладбище возили трупы. Они сидели, лежали на углах домов, прямо в одеялах с пододеяльниками...

«Мы выжили, наверное, ещё и благодаря дисциплине, — рассказывает Агнеса Георгиевна. — В нашей семье было очень строгое правило. Нас было трое: мама, сестра и я. Получали три порции хлеба по 125 граммов. И вот утром мы делили одну порцию на троих. Поджаривали хлеб на буржуйке, потому что «просто так» его есть было невозможно. До 50% хлеба составляли практически несъедобные примеси: солод, овёс, шелуха, а позже — целлюлоза. Потом делай, что хочешь, но обед — только в 2 часа дня. Как только часы пробьют два, берём другой кусочек и делим на троих. И опять мучительное ожидание, но уже — ужина».

Очень скоро не стало воды. Приходилось ходить на соседнюю улицу, где прорвало трубу, видимо, от мороза. Там была сделана небольшая ямка, из которой и набирали воду.

Что удивительно, бомбёжки были в определённые часы. Смотришь — подходит время, загудела сирена, все бегут в убежище. Иногда идти уже не могли и оставались стоять между дверями. Тогда они были двойными, и между ними было безопасно.

А. Г. Любимова

В 1943 году Нэту перевели в 32-ю железнодорожную школу. Стало немного веселее. Лёня — сын того человека, что открыл эту школу, — играл на фортепиано. Все пели. А как пришла весна, стали влюбляться. Уже в 6-ом классе мальчишки ухаживали за девочками, оказывали знаки внимания и делали маленькие подарки — открытки или ленты для волос.

Юра Мамонтов и Лёня Юрченко ухаживали за Нэтой и Валей, её подругой. Писали записки на немецком языке.

Как-то даже пригласили на праздник к Юре Мамонтову домой. В гостях Нэта была потрясена квартирой, в которой жил Юра. Сама она жила в коммунальной квартире, где было ещё 5 комнат; у семьи Обрезкиных было всего 30 метров квадратных на четверых. Гостей посадили за большущий стол с дубовыми резными ножками и белоснежной скатертью. Лёня играл на рояле: он хорошо играл, его даже приглашали выступать на радио. Потом Юра показал кабинет отца. В нём стоял большой письменный стол, все стены были завешаны коврами, а на них висели сабли и ружья. Тогда мы все узнали, что папа Юры был дипломатом.

Так незаметно закончился учебный год, и детям сказали, что 6-7-е классы мобилизуют во Всеволожский район сажать овощи. Нэта, как человек послушный, поехала, хотя многие отказались. А некоторых не отпустили родители. Там было хорошо. Кругом лес. А ещё там была кислица, «заячья капуста». Дети исползали всё и съели всю эту «капусту». Потом пошла земляника, которой даже не давали созреть, и съедали, едва она начинала краснеть.

Там же, во Всеволожском районе, наблюдали воздушные бои. **Совсем недалеко упал самолёт. Оказалось, что наш. Туда, правда, никого из детей не пустили.**

Школьники копали, сажали, пололи и, конечно, пели. У Нэты был хороший голос, и она запевала. Там были женщины, которые варили для всех еду из продуктов, полученных по карточкам. И эта еда казалась особенно вкусной. Может, потому что женщины приносили что-то от себя, а, может, потому что дети целыми днями были на свежем воздухе.

Татьяна Сидоркина, А. Г. Любимова, Мария Бабайцева

«Жили мы в каком-то Дворце культуры, — вспоминает Агнесса Георгиевна. Мальчишки спали на эстраде, а мы, девочки, рядышком в комнате. Нас было не так много — человек 20-25.

Однажды нам дали вёдра и велели собрать смородину. Чёрную, по-моему. Мы зашли в сад, сели и начали есть. Когда за нами пришли, мы все лежали под кустами, потому что нам было уже не встать. Больше нас туда не пускали.

В 1943-44 годах мы уже учились в 220-й школе. Там уже нас разделили с мальчишками. Но они бежали к нам, сделались почтальонами и носили нам письма.

Мы с Лёней ходили гулять от Московского вокзала до Фонтанки. Держались за руки и всё время прятались, чтобы не увидели ребята, а то стали бы дразниться. У Лёни был мелок. Он писал моё имя на асфальте. Другие мы раньше

были... Чувствительные... или неразумные — не знаю, как сказать».

Когда сняли блокаду, в честь праздника в столовой дали хороший, полноценный обед: первое, второе и даже третье. Откуда-то пришла материальная помощь.

Приходилось много работать, так как было много раненых. Писали письма. И сами же относили их адресатам.

Многие разъехались. С Лёней последний раз виделись в 1944 году. Так и расстались.

Несмотря на снятие блокады, ещё долгое время было очень тяжело и голодно, хотя уже стали открываться магазины. Однажды Нэта зашла в такой магазин, но, увидев цены, тут же выбежала обратно, и больше там не появлялась.

В 1944-м году нескольким девочкам дали медаль «За оборону Ленинграда», в том числе и Агнесе Георгиевне. На память о страшных годах войны у неё осталась лишь маленькая шкатулочка, подаренная Лёней в знак любви.

*Жильё без света, печи без тепла,
Труды, лишения, горести, утраты —
Всё вынесла и всё пережила ты.
Душою Ленинграда ты была.*

А. Ахматова

Победили не сытые фашисты, а измученные голодом, холодом и болезнями русские люди. Что помогло выстоять? Сила духа? Ненависть к врагу? Желание жить? Наверное, и то, и другое, и третье. **Но главное — каждый старался держаться до конца, чего бы это ни стоило.**

В. М. Варламова

**Валентина Михайловна
Варламова**

Мама говорила,
что столько горя
она не видела
никогда.

Малая Книга Памяти моего рода в 20 веке

Так сложилось, что мой дед, Денис Владимирович Сироткин, родившийся в 1902 году, прошёл вместе с нашей Родиной все испытания, которые ей выпали в XX веке.

Сын богатого заводовладельца в городе Рыбинске Ярославской области, он ещё молодым парнем искренне поверив большевикам, в числе «двадцатипяти тысячников» вступил в партию большевиков.

В стране начиналась коллективизация, и его направили организовывать колхозы. В селе Назарково он встретил мою бабушку Анну Ивановну, и в 1922 году молодые люди поженились.

В семье родились 8 дочерей. Первая из них, прожив всего полгода, умерла от тифа.

Вот что запомнилось мне из рассказов моей бабушки о событиях того времени.

Семья часто переезжала с места на место. Когда дедушку переводили создавать новый колхоз, он сажал в телегу своих семерых малышей, сам вёл лошадь, а сзади бабушка вела корову.

Дениса Владимировича часто вызывали в райком партии на совещания. Там сообщали сроки изъятия продовольствия и списки подлежащих аресту сельчан. Поздно ночью он

Денис Владимирович Сироткин, 1965 год

возвращался домой, и бабушка сразу же бежала по домам, чтобы предупредить людей. Те успевали до утра спрятать продукты и уйти в лес. После того, как опасность миновала, по ночам возвращались за имуществом и навсегда уезжали из села.

Зимой 1937 года дедушку арестовали. Бабушка с детьми днём пряталась в подвале, а ночью — в печке, чтобы не замёрзнуть: боялась, что их тоже увезут. Дедушку продержали под арестом несколько дней. А потом ночью подъехал ко двору «чёрный ворон», немного постоял и уехал. На снегу осталось неподвижное тело. Дети помогли бабушке затащить его в избу, и от увиденного пришли в ужас. Дедушка был в окровавленной одежде, жестоко избитый — живого места не было. Его несколько недель выхаживали всей деревней. И он не только выжил, но и прошёл впоследствии две войны.

В 1939 году Денис Владимирович был призван на войну с Финляндией, воевал в пехоте. Он был высокого роста, статный, силь-

ный. Морозы стояли лютые, бойцы в окопах замерзали, было много больных и раненых, но дедушка с этой войны вернулся домой без единой царапины.

В первые дни Великой Отечественной войны он ушёл на фронт и до 1943 года воевал в пехоте. После тяжёлого ранения, когда осколком снаряда ему частично оторвало кисти обеих рук, его демобилизовали. Несколько мелких осколков остались в теле на всю жизнь.

Когда вернулся домой мой раненный дедушка, добровольцем ушла на фронт его дочь, моя 19-летняя мама Александра Денисовна. Перед отправлением в полк 7 ноября 1943 года участвовала в параде на Красной площади. Она рассказывала, с каким горячим желанием победить врага и освободить Родину от захватчиков, ехали на фронт все участники парада.

Как-то во время бомбёжки, когда рядом разорвался снаряд, мама была контужена, из ушей пошла кровь. После нескольких дней лечения в госпитале вернулась в свою часть. Она служила Родине во 2-м полку ВНОС Ленинградского фронта до 7 августа 1945 года.

Вот несколько случаев из воспоминаний моей мамы.

Их часть стояла в лесу. Командир послал нескольких человек в лес за хворостом. Когда мама с подругой подошли к лежащему на земле большому дереву, то увидели больше десяти убитых молодых русских солдат. Они лежали в ряд с одной стороны ствола с винтовками в руках, как будто готовились к атаке или были в засаде. Видно, были убиты в одно время. Одежда у всех новенькая — наверное, были новобранцами. У девушек потекли слёзы, хотя смертей на войне они видели много.

Или другой случай. Вошли в деревню Грузино, остановились в избе и несколько дней брали воду из колодца для кухни и других нужд. В какой-то момент ведро ударилось обо что-то мягкое. Вычерпали из колодца оставшуюся воду и обнаружили на дне труп немецкого солдата.

Михаил Михайлович Сысоев,
1946 год

Александра Денисовна Сироткина,
1944 год

И ещё. Когда была снята блокада Ленинграда, бойцов посылали расчищать улицы от трупов. Ходили по домам, искали и кормили ещё живых людей. Слабых и больных отправляли в госпитали, ибо начиналась весна, и была реальная угроза эпидемии. Уцелевшие от бомбёжек пустые квартиры были не запгерты. В них было много ценных вещей, прекрасные библиотеки, но никто ничего не брал, потому что главной ценностью была человеческая жизнь. Мама говорила, что столько горя она не видела никогда. **А ещё её поразили доброта, терпение, взаимопомощь, мужество ленинградцев. Нам бы сейчас иметь такие качества! Тогда никакие кризисы и катаклизмы были бы не страшны!**

Мой отец, Сысоев Михаил Михайлович, работал до войны помощником машиниста паровоза на Октябрьской железной дороге. В 1942 году в 18 лет он был призван на фронт. Служил в пехоте до ранения в руку и контузии, когда его в окопе засыпало

Михаил Васильевич Сысоев,
1939 год

Клавдия Ивановна Сысоева,
1939 год

землёй. Несколько недель выходил из окружения, неся на себе раненного в ногу командира. Из-за ранения был комиссован и до конца войны направлен на Октябрьскую железную дорогу сопровождать военные составы.

Мои родители познакомились в 1944 году в Спасской Полисти. Там, в лесу, недалеко от железнодорожной станции, стояла военная часть моей мамы. Тогда же молодые люди решили: если доживут до Победы, то поженятся и сыграют свадьбу в этот Великий День. Так и случилось. 9 мая 1945 года они в землянке сыграли свадьбу. В этот день ликовала вся страна.

О моём втором дедушке, Сысоеве Михаиле Васильевиче, 1890 г. р., я очень мало знаю. Знаю только, что он был призван на фронт в самом начале войны, служил гвардии рядовым. Проявил героизм и мужество, был ранен и умер от ран 19 июня

Похоронка на Сысоева Михаила Васильевича, 1944 год

Бабушка рассказывала, что в августе 1941 года их увезли в полуторке под Ленинград — рыть окопы. Она поехала в одной шерстяной кофте. Тогда все думали, что это ненадолго, что скоро все вернутся домой. Работали до изнеможения, не замечая ни времени суток, ни погоды. Когда в начале октября бабушка вернулась домой, а были уже холода и первые заморозки, она заметила, что на ней надета одна только кофта. Она удивилась, потому что совсем забыла про одежду, не замечала холода. Тогда люди не думали о себе, все работали на освобождение Отечества от захватчиков, помогали армии, как могли, громить врага.

Когда капитулировала Германия, ещё долго продолжалась война с Японией за освобождение острова Сахалин и Курильских островов. Военные действия шли, по официальным данным, до августа 1946 года. Фактически освобождение островов от японцев продолжалось до начала 50-х годов. Японцы яростно сопротивлялись на местах, поджигали и взрывали угольные шахты, жгли тайгу у населённых пунктов и в местах лесоразработок. Что самое опасное, война уже носила наполовину партизанский характер. Местное население, к тому времени состоявшее, в основном, из японцев и корейцев, неохотно принимало

1944 года. Похоронен с воинскими почестями в Литве, Меречском районе, деревне Апеинга, могиле № 49. Бабушка, Сысоева Клавдия Ивановна, 1902 г. р., была мобилизована в 1939 году на Советско-Финскую войну, работала в военном госпитале медицинской сестрой и была уволена в запас перед Великой Отечественной войной. А когда началась ВОВ, всё мирное население помогало армии остановить фашистов. Старички, женщины, дети — все, кто мог, — рыли окопы и строили заграждения.

Военный билет Сысоевой Клавдии Ивановны

возвращавшихся русских, а тем более, установление приграничной зоны с Японией и Кореей. **Если кто-то в семье принимал российское гражданство (как правило, это была молодёжь), то он мог быть убит родственниками.**

В 1948 году моего дедушку, Сироткина Дениса Владимировича, и всю его семью по партийному заданию направили на остров Сахалин в Лесогорский район руководить восстановлением сельского хозяйства и строительством пищекомбината. Сдали они корову, лошадь и поехали...

До нового места жительства добирались полтора месяца: поездами, паромами — через всю страну. Сразу по прибытии им дали японский барак: кухня, комната, веранда. И это на семью из восьми человек! Как говорится, в тесноте да не в обиде! Семья привыкла к трудностям. Выделили корову и лошадь. Весной посадили огород, накосили сена, завели коз, кур, уток, гусей. Главное, была земля. Только трудись, не ленись.

Неспокойно было в тех местах, пока не установилась мирная жизнь и не закрыли границу на замок. Японские браконьерские шхуны нагло ловили нерпу, крабов, лосось, другую цен-

Поселковый двор на Сахалине

ную рыбу, подходя почти к берегам острова, на 200-300 метров вглубь территории СССР.

По ночам они высаживали диверсантов для поджога тайги и взрывов угольных шахт. Очень часто, особенно весной, пожары подходили к населённым пунктам. Тогда всё население выходило тушить тайгу. По всему побережью были пограничные заставы, но территория острова огромна, и контролировать удавалось только побережье. Наряды пограничников зимой часто погибали под снежными обвалами и заносами, замерзали. **Население помогало выявлять диверсантов внутри территории и в населённых пунктах.**

В центральной прибрежной части острова, где жила наша семья, высокие сопки разделяли распадки и кое-где были небольшие долины, пригодные для земледелия. В тех местах, которые не просматривались с моря и были безлюдны, корейцы-наркотоворговцы разводили опиумный мак. Местное корейское население, даже женщины, открыто курили трубки с опиумом, и мы

тогда даже не придавали этому значения, считали народной традицией. Русское население было к опиуму равнодушно. Русские, если пили, то спирт или водку. Местный пищекомбинат полностью обеспечивал население района продовольствием. Из Китая завозили только яблоки, апельсины, мандарины.

Дедушка работал тогда директором Лесогорского пищекомбината (сейчас бы сказали, градообразующего предприятия), в его обязанности входило также выявление и уничтожение опиумных плантаций. Они часто вместе с участковым милиционером уезжали на лошадях на несколько дней в тайгу и уничтожали эти плантации. Никаких дорог, кроме разбитых японскими лесовозами просек и звериных троп, не было. Ночевали в ямах, охотничьих сторожках, шалашах.

Однажды ночью мы проснулись от отчаянного ржания дедушкиной лошади и жеребёнка. Когда дедушка был дома, лошади обычно паслись на лугу. Все, встревоженные, выбежали из барака и увидели, как сосед-кореец бежит с топором за привязанной лошастью, а дедушка пытается отобрать у него топор. Только боевой опыт и физическая сила помогли дедушке одолеть врага. Рядом были только женщины и ребяташки разного возраста — помочь было некому. Так наркотоворговцы мстили за уничтожение плантаций опиумного мака.

Мой дедушка, Денис Владимирович Сироткин, оставался до конца своей жизни коммунистом, мудрым и бескорыстным руководителем, непримиримым борцом с врагами нашей Родины.

Валентина Михайловна
Варламова

Это нельзя забывать!

Воскресенская трапезная — единственная сохранившаяся постройка бывшего Воскресенского монастыря, основанного в начале XV века на Красном (красивом) поле или на Красной горке.

Находится она за земляным валом в северной части Торговой стороны, на улице Связи. Состоит из трапезной с поварней и подсобными помещениями, а также небольшой церкви.

Постройка предположительно может быть датирована серединой 16 века. В годы шведской оккупации 1611-1617 годов она была сильно разрушена.

У храма есть древнее кладбище, где покоятся монашествующие, священнослужители, воины, именитые миряне, послужившие Богу и Отечеству. По преданию, кладбище существовало ещё со времён крещения Руси. По воспоминаниям протоиерея Николая Семёновского, он служил в 1914 году священником в лазарете, который

располагался в церкви. В нём от ран лечились воины.

Лазарет и кладбище существовали ещё в княжение князя Александра Невского. Здесь воины, излечившись от ран, оставались монахами при монастыре. Так с древних времён и основался мужской монастырь.

В первой половине 19 века монастырская трапезная с церковью были превращены в приходскую церковь, затем — в кладбищенскую. С запада пристроили колокольню.

Во время нашествия Наполеона территория монастыря использовалась для захоронения погибших воинов.

В XX веке на территории монастыря продолжались захоронения репрессированных новгородцев и бойцов Красной Армии, погибших в годы Великой Отечественной войны. Именно здесь проходила линия фронта. Во время боевых действий на храме был разрушен верхний ярус колокольни, утрачено пятиглавое завершение церкви.

У северной стены храма расположена братская могила, где покоятся, по словам очевидцев, доживших до наших дней, 350 красноармейцев. Здесь находилась медсанчасть. Немецкое наступление было столь стремительным, что раненых не успели эвакуировать. Когда фашисты, прорвавшие линию нашей обороны, вошли в Новгород, то расстреляли в храме всех раненных советских солдат. Местные жители похоронили их у северной стены церкви. Сейчас на этом месте стоит большой деревянный крест.

Эти сведения нуждаются в проверке. Но если они подтвердятся, то могилу и территорию вокруг храма необходимо благоустроить. Поисковая группа «Долина» весной 2012 года планирует провести обследование братского захоронения для установления имён погребённых воинов.

Сопоставляя историю Воскресенского монастыря и сохранившегося до наших дней храма с трагическими периодами истории страны, мы выявили глубокую и древнюю связь монастыря с традицией милосердия нашего народа к своим защитникам, духовной помощи православной церкви всем страждущим.

Воскресенская трапезная — единственная сохранившаяся постройка бывшего Воскресенского монастыря

Место последнего упокоения погибших защитников и освободителей нашего Отечества не должно быть забыто потомками.

Владимир Омельчук

Владимир Омельчук
гр. 1041

В. М. Телицын ведёт активную общественную работу, поддерживает постоянную связь со школами, встречается с молодёжью.

Пол Европы прошагали, пол Земли

Виктор Михайлович Телицын родился 9 ноября 1925 года в деревне Огибалово Вожегодского района Вологодской области в крестьянской семье.

«30-е годы, — вспоминает ветеран, — были очень тяжёлыми. Зимой большинство мужчин ездили из деревни на лесозаготовки. Ездил и мой отец. Ему понравился Архангельск, и в 1933 году он перевёз туда меня и старшего брата. Там в Архангельске началась наша северная жизнь. Нам дали комнату, и мы втроём в ней поселились. А чуть позже, когда получили жильё побольше, привезли из деревни мать с младшим братом. Взрослые стали работать на лесопильном заводе. А я в этом же году я пошёл в школу.

Семь классов закончил в нашем посёлке, который назывался «29-й лесозавод города Архангельска» (заводы стояли вдоль дельты Северной Двины). Позже приходилось ездить трамваем за 15 км в среднюю школу 27-го лесопильного завода. Впосёлке 25-го лесопильного завода располагался наш районный центр, а районная больница была на территории 22-го лесопильного завода. В общем, все посёлки были под номерами. Зимой мы с ребятами учились, а в летнее время отдыхали, ходили на рыбалку.

Виктор Михайлович Телицын

Перед самой войной были открыты школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) и ремесленные училища. Многие ребята подались туда. Я в то время увлекался радиodelом. Мы собирали детекторные приёмники, надевали наушники, нацупывали станцию Коминтерна, сидели и слушали».

Заводские посёлки были небольшими, в каждом не более тысячи человек. Основная работа, особенно зимой, — распиловка леса. Летом по Северной Двине пароходами подвозили лес. Брёвна складывали на берегу в штабеля высотой метра три, а то и больше. Затем по мере необходимости их перемещали с помощью транспортёров в заводской бассейн (там всё время была тёплая вода). Распилив на доски, машинами увозили на лесную биржу. Летом грузили на пароходы, в основном, иностранные, которые направлялись в Белое море.

«О начале войны, — продолжает Виктор Михайлович, — я узнал по пути в магазин. В то время на столбах висели ре-

продукторы. Слышу: «Внимание, внимание! Говорит станция Коминтерна. Важное сообщение!» *А потом Молотов, нарком иностранных дел, объявил, что началась война. Весь народ застыл, все буквально оцепенели — война!*

В 41-ом году я перешёл в 9-ый класс. Мы с ребятами поехали на приписку в райвоенкомат. Стояли на пристани, ждали пароход и вдруг увидели зарево над нашим посёлком. Это диверсанты подожгли завод, «пятая колонна» своё дело знала крепко. Лето было сухим и жарким, заводские строения — деревянными. Всё вспыхнуло мгновенно. Две пожарные машины поехали к колодцам, а воды нет — перекрыта. Диверсия была тщательно спланирована и подготовлена.

А потом над нашим посёлком пролетели 4 немецких бомбардировщика. Мы впервые увидели самолёты с крестами на крыльях. Они летели в Архангельск. Военные объекты не тронули. Разбомбили только продовольственные склады. Видно, такая у них была цель. Женщины, по рассказам, потом ещё долго собирали развороченные остатки продуктов, делали запасы.

Все мужчины в течение трёх дней ушли на фронт. А нам надо было как-то жить. Завода нет. Что делать? Народ стал уезжать из посёлка, искать другое место. Мать уехала в Северодвинск, её туда пригласили на работу. Брат был старше меня на три года. Его призвали в армию сразу. Младший брат, третьеклассник, к тому времени, сильно простудившись, тяжело заболел и в одночасье умер. Остались мы вдвоём с больным отцом.

Я уехал на учёбу в 9-й класс, а отец устроился сторожем на лесную биржу — охранять оставшиеся доски. В январе 1942 года я был вынужден бросить учёбу и вернуться домой из-за болезни отца. У него от истощения началась цинга. Устроившись на работу в поселковую пожарную команду, я получал рабочий паёк — 800 г хлеба в день, а в столовой — щи из картошки и морской капусты. Летом отец умер. Я остался один.

Владимир Омельчук и Виктор Михайлович Телицын

Из пожарной команды перешёл на работу в радиоузел линейным надсмотрщиком, а потом, по объявлению в газете, — на трёхмесячные курсы техников радиоузелов. Оттуда, не дожидаясь повестки, пошёл добровольно в военкомат, хотя призывали только ребят, родившихся в первой половине 25-го года. Я же родился во второй половине года, в ноябре. Напарник из комнаты в общежитии меня отговаривал: мол, до конца учёбы остался какой-то месяц, после окончания курсов получим «белый» билет, нас освободят от призыва, поедem на «точку» и будем служить на побережье. Но я подумал и решил, что не смогу смотреть спокойно в глаза родным тех ребят, которые ушли на фронт. Я обратился к райвоенкому. Он меня выслушал и дал «добро».

Так в 17 лет 6 января 1943 года Телицын вместе с другими парнями был зачислен в Архангельское военно-пулемётное училище. Из документов узнал, что это училище было сформировано на базе политического училища НКВД. На самом же деле, раньше там был обычный лагерь для заключённых, а учили курсантов НКВДэшники, бывшие лагерные охранники. Плохое это было место. С лагерных времён всё осталось прежним — те же бараки, те же нары и те же работники.

Через 6 месяцев, в конце июня, курсанты уже были в лагерях на окраине Архангельска, готовились сдавать экзамены, чтобы получить офицерское звание. Как-то ночью прискакал на лошади заместитель начальника войсками округа (машин тогда не хватало), подняли всех по тревоге, половину выпускников училища отделили (отобрали 400 человек), поздравили с зачислением в 5-ю гвардейскую армию. Потом накормили, посадили на пассажирский пароход и в тот же день с железнодорожного вокзала в эшелонах увезли на юг. Воинское звание обещали присвоить на фронте.

«Я надеялся, — рассказывает ветеран, — по пути посмотреть Москву, но не получилось: мы поехали кружной дорогой. Высадили нас ночью в степном районе. Нам это после северных лесов и болот было непривычно. Уже на месте нас передали Воронежскому фронту. Обстановка там была сложнейшая.

До переднего края топали ещё 75 километров. С собой были только стеклянные фляжки с водой и котелки. Поначалу не выдали даже сапёрных лопаток, нам нечем было окапываться. Вот так и жили.

По пути наблюдали, как летят немецкие самолёты, а за ними — наши, не давая приблизиться противнику к советским войскам. Мы впервые увидели воздушные бои.

Мы прижимаемся к левой стороне дороги, идём колонной, а с правой стороны идут танки. А дороги пыльные...

Ох, и наглотались всего, пока дошли до места! Остановились в районе Курской дуги, правее Прохоровки. Наша 5-я армия немного подвинула в сторону 6-ю армию и заняла освободившееся место. Всё делалось в спешке.

На переднем крае, в боевой обстановке, мой старший и более опытный товарищ, с которым у нас на двоих была одна сапёрная лопатка, меня поучал: «Если слышишь, как пуля свистит — значит, не твоя это пуля. Своей пули ты не услышишь. Так что не кланяйся и не прячься».

Правильно он говорил — свою пулю действительно не услышишь, а почувствуешь. Бои под Курском, как известно, шли страшные. Там я получил боевое крещение и первое осколочное ранение. 13 июля я был ранен в ногу. Санитары помогли мне и остальным раненым добраться до повозки и отправили в полковой медицинский пункт. А там врач еле руки успевал отмывать от крови, только и слышалось: «Следующий, следующий!». Он вытащил осколок из моей ноги, забинтовал её, и увезли меня уже непосредственно в дивизионный медсанбат, а затем — в полевой госпиталь в Армейске.

Когда я пошёл на поправку, то попал в состав санлётучки, предназначенной для перевозки тяжелораненых с переднего края на товарном поезде. Какая же там была бойня! Сколько тяжелораненых! Пока их увозили, мы столько всего насмотрелись! Только и слышны были отовсюду крики и стоны. Мы всё это время были на ногах; бегали от одного больного к другому, помогали медсёстрам, как могли.

Выгрузив раненых, поехали обратно к эвакупункту. На станции, где был продовольственный склад, нас высадили и в сопровождении старшего лейтенанта отправили во фронтовой запасной полк. В Киеве распределили кого куда».

В Житомире нужны были связисты. Узнали, что Виктор учился на курсах техника радиоузлов, и взяли его связистом. Напра-

вили в состав 1-го гвардейского кавалерийского корпуса 1-го Украинского фронта. Этому корпусу, а в его составе и сержанту Виктору Телицыну, довелось участвовать в боях за освобождение Украины. Он хорошо помнит Житомирско-Бердичевскую, Ровно-Луцкую, Львовско-Сандомирскую, а также Восточно-Карпатскую, Висло-Одерскую, Берлинскую операции. У каждого бойца и командира были свои обязанности.

Вот выписка из приказа командира 7-го гвардейского кавалерийского полка от 6.09.1944 года о награждении радиста взвода связи гвардии сержанта В. М. Телицына медалью «За отвагу»:

«За то, что в боях в районе Гачув при форсировании реки Вислок, находясь со своей радиостанцией в эскадроне, **обеспечивал бесперебойную связь командира эскадрона со штабом полка и этим способствовал выполнению эскадрона боевой задачи**».

В представлении к награждению орденом Славы 3-й степени говорится: «В бою в районе Ивля 12.09.1944 года тов. Телицын находился со своей рацией в эскадроне и, несмотря на сильный огонь противника из всех видов оружия, держал бесперебойную связь со штабом полка. Во время отхода эскадрона тов. Телицын одновременно действовал личным оружием против наседавшего противника и уничтожил одного немецкого пулемётчика. Тов. Телицын в этом бою был сильно контужен и пролежал без памяти более 6 часов в полосе между нашей обороной и обороной противника. Очнувшись, выполз и вынес свою рацию, после чего, несмотря на болезненное состояние вследствие контузии, продолжал оставаться на своём посту и работал на своей рации».

Телицын участвовал во многих кровопролитных боях на территории Словакии, Чехии, Польши, Германии. В одном из боёв уничтожил из своего автомата 4-х гитлеровцев.

Ветеран вспоминает:

«Наступление продолжалось. Мы шли и шли вперёд. Дошли до Эльбы. За форсирование Эльбы я был награждён орденом

Красной Звезды. Тяжело нам это далось, особенно трудно было, в районе Ризы, когда мы перешли реку. Задача немцев — задержать войска 1-ого Украинского фронта. Наша задача — помочь им пройти вперёд. А пройти нашим войскам надо было через три танковых армии противника, затем осуществить тайный переход в Прагу.

После штурма Берлина мы взяли более 300 000 пленных. После Пражской операции, которая закончилась 12 мая, немцы рвались на Запад, а мы, как могли, удерживали их, ставили заслоны, не давали пройти. Часть немцев, конечно, ушла на Запад, но большинство сдались в плен. В результате мы взяли более 900 000 пленных — такая огромная армия стояла в Чехословакии! После этого война для нас закончилась.

Из Чехословакии через Венгрию возвращались на Родину, в Советский Союз. По пути в Станиславской (теперь Ивано-Франковской) области сражались с бандеровцами. И там тоже не обошлось без жертв. Конечный пункт — Южно-Уральский военный округ, разместились в городе Тоцк».

Кроме уже названных наград, Виктор Михайлович имеет также орден Отечественной войны 1-ой степени, медаль «За боевые заслуги», другие медали и знаки отличия.

Уже после войны получил военное образование, звание лейтенанта, служил на различных интендантских должностях. В 1972 году В. М. Телицын уволен из армии на пенсию по состоянию здоровья. Будучи в отставке, больше 17 лет проработал в народном хозяйстве в Новгороде.

Гвардии полковник В. М. Телицын ведёт активную общественную работу: является членом Новгородского городского совета ветеранов, возглавляет Клуб ветеранов Курской битвы, поддерживает постоянную связь со школами № 21 и № 31, встречается с молодёжью. В школе № 31 принимал участие в организации и становлении школьного музея, оформлении стендов и экспозиций.

Олег Малышев, Зинаида Алексеевна Азарёнок, Алексей Михайлов

Олег Малышев
Алексей Михайлов
гр. 0041

Их детство украла война

Зинаида Алексеевна Азарёнок родилась в марте 1932 года. Когда началась война, ей было 9 с половиной лет.

Зинаида Алексеевна вспоминает:

«До войны мы жили в Краснодаре. Летом 41-го я отдыхала в пионерском лагере в Анапе. Было воскресенье, родительский день. В лагере к приезду родителей готовили концерт. Но праздник не состоялся. Настал самый скорбный день в

нашей истории. От родителей мы узнали, что началась война.

Мы, дети, не понимали, что это такое, не представляли, как изменится наша жизнь — ну, война и война, просто слово такое. Но когда мы увидели, как вдруг постарели наши матери, то поняли, что война — это что-то страшное.

Многих детей сразу же забрали домой. Меня в том числе. Но своего отца дома я уже не застала. Он был призван на фронт в первый же день войны. И больше я его никогда не видела. Единственное, что осталось, — это его фотография.

Звали его Алексей Сергеевич Чернов. Он родился 8 марта 1908 года. По документам, погиб в сентябре 1942 года.

С началом войны все дети сразу повзрослели, стали серьёзными, меньше смеялись. В пионеры всегда принимали с 10 лет, но в военное время пионером мог стать любой желающий, независимо от возраста. Вступая в ряды юных пионеров, мы давали клятву: «всё для войны». Обещали помогать взрослым и быть достойными своих воевавших отцов.

Мою маму звали Полина Александровна Винокурова. По профессии она была медсестрой и работала в «Доме малютки».

В сентябре из Ленинграда стали поступать больные, истощённые дети. Спасать их было очень тяжело. Их нужно было откармливать и отпаивать из пипетки, потому что обильная и сытная еда для них означала мгновенную смерть.

У персонала не хватало времени ухаживать за маленькими ленинградцами. Поэтому делали это я и мои подруги, которым в то время не было и 10 лет. Некоторые дети были такими слабыми, что казались грудными, а по документам им было по 3-4 года. Забота о детях стала нашим первым «делом войны».

Так как линия фронта подходила всё ближе к Краснодару, то создавались новые госпитали — раненых было очень много. Полина Александровна, Зинина мама, как медработник была при-

звана на службу в качестве вольнонаёмной, и дочка помогала ей в работе.

Полевой госпиталь оказывал первую помощь раненым и отправлял их в тыл для дальнейшего лечения. Санитаров не хватало, и детские руки были востребованы. Зина и её подруга работали в госпитале с первых дней войны. В обязанности девочек входил уход за ранеными. Так как мама была операционной сестрой, то они убирали также операционные помещения, стирали грязные бинты. При советской власти детям нельзя было работать, и только с разрешения комиссара их поставили на довольствие санитарной части.

Понятие «рабочий день» отсутствовало. Работали, пока держались на ногах. В буквальном смысле. Раненые называли работающих в госпитале девочек «маленькие мамы». Из-за их маленького роста и недетских обязанностей. Однажды девочки попали в неловкую ситуацию. Услышали слова повара, что больным не хватает витаминов. Госпиталь был на юге, в садах созревал урожай. Зина с подругой решили забраться в чей-то сад, чтобы набрать мандаринов. В части об этом «подвиге» узнали. Доложили комиссару, и на утренней «летучке» девочек на некоторое время лишили права носить красный галстук.

В обязанности юных санитарок входила также подготовка погибших солдат к захоронению. Они привязывали бирки с личными данными к руке солдата. Эти же данные записывали в бланк, который отправлялся как похоронка, после чего солдат хоронили в братской могиле. И это происходило каждую неделю.

Солдат хоронили в чистом обмундировании и провожали в последний путь залпом из оружия.

В октябре 1944 года мать Зинаиды Алексеевны демобилизовали в связи с нездоровьем дочери. Когда они вернулись в Краснодар, то увидели свой разрушенный дом. Выживали, как могли.

9-го мая 1945 года объявили о победе. Это был настоящий праздник. Все люди на улицах, знакомые и незнакомые, обнимали

Зинаида Алексеевна Азарёнок

и целовали друг друга. Это был необыкновенный день, которого так долго ждали!

Война... Она у целого поколения украла детство. «Детьми войны» называют сегодняшних пенсионеров, которые, повзрослев до поры, никогда не были настоящими детьми.

Алла Борисовна
Якобсон

Я с братьями
ходила
по деревням
и просила
милостыню.
Кто даст, а у кого
у самого ничего
не было.

Алла Борисовна Якобсон

Я хорошо помню тот день

Алла Борисовна Якобсон родилась 19 февраля 1932 года в Новгороде. В семье было шестеро детей. Самому старшему в начале войны было 10 лет. Отец работал главным бухгалтером на железнодорожной станции, а мать хлопотала по дому и ждала седьмого ребёнка.

Алла Борисовна вспоминает:

«В начале войны мать на дому шила солдатские гимнастёрки, и этим немного зарабатывала. Время было голодное, есть было нечего, а дети просили еды. Недалеко стояла воинская часть, и мы со старшим братом ходили к солдатам за хлебом. То, что нам давали, приносили домой.

Мы жили на улице Ленинградской, дом 18. Через дорогу был магазин. Но там достать что-либо было очень трудно

из-за больших очередей. Мы брали с собой младших детей, и нас пропускали без очереди. Так удавалось добыть немного хлеба.

Но скоро война дошла до Новгорода. Начали бомбить город. Когда это случилось впервые, мы, дети, побежали в бомбоубежище, которое было в подвале нашего дома. После бомбёжки вернулись домой. Но через короткое время бомбёжка возобновилась. Мать с малышами вернулась в бомбоубежище, а мы с сестрёнкой не успели, остались дома. Был страшный грохот, весь дом дрожал. Мы забрались под одеяло и боялись пошевелиться — в темноте было не так страшно.

Потом с работы отпустили отца, и он забрал нас к себе на станцию. Нас разместили в конюшне вместе с лошадьми. Бомбёжка не прекращалась. Лошади боялись взрывов и громко ржали. Дети, мал мала меньше, всё время плакали. Мы видели, как взлетали вверх вагоны и шпалы.

Отец повёл нас в бухгалтерию, где собрались рабочие. Он где-то замешкался, и мы увидели, как в небе прямо над конюшней дерутся наш и немецкий самолёты. Отцу крикнули: «Борис, ложись!». Мы все тоже упали на землю. Ждали худшего, но нам повезло — здание уцелело. Стоял страшный грохот.

Дети кричали от голода, просили хлеба, но взять его было негде. Когда бомбёжка закончилась, отцу дали лошадь с повозкой, чтобы доставить нас на паром. Пока ехали, бомбёжка возобновилась. Старший брат пытался удержать лошадь, которая металась и рвалась. Ведь в повозке сидели малыши, самой младшей сестричке было полтора года. Да и мать была «на сносях», доживала последние дни. Всего 7 человек.

Когда приехали к реке, ещё летали самолёты. Солдаты всё закрывали брезентом. А чуть только стихла бомбёжка, нас стали погружать на паром. Все страшно торопились — скорей бы уехать от этого ужаса. Отца к нам

не пускали. Потом уже, когда стали поднимать трап, отец подошёл с нами проститься и чуть не угодил в реку.

Больше мы его никогда не видели. Отец остался в Новгороде, у него была броня от ПВО. Мы долго о нём ничего не знали. Позже знакомые рассказали, что его направили в Ленинград. От него самого долго не было вестей. Потом мы получили 2 письма, а через какое-то время пришло сообщение от его начальства. *Отец умер от голода в блокадном Ленинграде 27 января 1942 года. Похоронили его на Волковском кладбище в братской могиле. Так мы и остались — 7 сирот.*

Мы не знали, куда нас везут. Было холодно. Мы ничего не успели взять с собой. В чём были одеты, в том и поехали. Ночь была страшная. В тёмном небе сверкала звёздочка, а нам казалось, что за нами следит немецкий самолёт. На рассвете видение пропало, и стало легче.

Приплыли к шлюзам, а воды нет. Нас держали верёвками, чтобы паром не опрокинулся. Потом дали воду, и мы благополучно добрались до пристани. А там нас ждал поезд. Все спешили, старались поскорее в него сесть. Нам спешить было трудно — у матери столько малышей! Но машинист дождался, пока сядут все. Я не знала, куда нас везли, и сколько дней мы были в пути. Поезд бомбили, но мы благополучно добрались до места назначения.

Привезли нас в город Котельнич Кировской области, поселили в каком-то помещении. Потом из колхозов приехали подводы и стали нас распределять по колхозам — кого куда. Нашу семью отправили в село Пиксур, в деревню Шмаковы. Подселили к одинокой бабушке, но через короткое время бригадир нашёл другой дом. Правда, летний. У нас не было ни еды, ни одежды. Работать мать не могла. Пока мы ехали, дорога — сплошные ухабы. Мать растрясло, и она вскоре родила сына. Кормить ребёнка было нечем. Пришёл бригадир и сказал, что надо работать.

Я с братьями ходила по деревням и просила милостыню. Кто даст, а у кого у самого ничего не было. Потом мы

с братом пошли работать. Он на быках возил навоз на поля, а я теребила лён и жала с женщинами рожь. Но трудней давали мало. Норма на льне была 100 снопов. Когда погода сырая, ещё ничего, а если сухая, все пальцы в крови.

Летом пошли грибы и ягоды, жить стало немного легче. Мать после родов пошла на работу — надо было кормить семью. Мне было 8 лет, но мы неделями не ходили в школу. Не в чем было — одни валенки на всех, и те без подошвы. Подвяжем верёвками, чтоб портянки не выпали — так и ходили. А потом нас научили плести лапти. Такая была жизнь.

Когда мать вышла на работу, мне пришлось смотреть за братьями и сёстрами, готовить еду, печь хлеб. Новорождённый братик был очень слабеньким. Молока купить было не на что. Прожил он до полутора лет и умер от голода.

Весной мы ходили в поле собирать гнилую и зелёную картошку. Пекли на костре и ели. На зубах скрипел песок, а есть так хотелось!

А потом начался тиф. Сначала заболела я, а за мной, один за другим, два брата. Думали, не выживут, но всё обошлось. Первой из больницы вышла я. Мне пришлось топить печь, печь хлеб. Потом вернулись домой остальные.

Бригадир сказал матери, чтобы она написала письмо в РОНО. Ответа долго не было, а потом нас взяли в разные детские дома. Так мы спаслись от голода.

В детдоме я пошла во второй класс. После окончания семилетки училась в школе ФЗО на ткачиху. И разбрелись мы все по разным сторонам. Потом я поехала к матери в Тверскую область, на станцию Гузятино Бологовского района. Там я увидела своих братьев и сестёр.

Начиналась моя взрослая жизнь. Где только не приходилось работать! Непрерывный рабочий стаж без малого 50 лет. Сейчас мне 79 лет. У меня семья. Есть сын, внук, внучка и правнучка. Моя жизнь проходит в ежедневных хлопотах, в горе и в радости.

Вероника Терещенко
гр. 9074 зу

27 миллионов
наших людей —
мужчин, женщин,
детей — унесла
война.
Мы должны о них
помнить!

Вероника Терещенко

Как совпало — война, беда, мечта и юность!

Моей бабушке Лидии Павловне Кондратьевой (в замужестве Маттенковой) 8 марта 1941 года исполнилось 17 лет, а 21 июня, в субботу, она пришла на свой выпускной бал.

Вот как она вспоминала об этом в августе 2002 года:

«Помню, было немного грустно — всё-таки уходили из школы, с тревогой думали о будущем. В то время поступить в институт было очень трудно: были большие конкурсы.

На 22 июня в Валдае был намечен физкультурный праздник. Он ежегодно проводился в парке около больницы. Мы начали собираться там с самого утра. Утро было солнечным, все улыбались. Смотрим — от кинотеатра «Темп» бежит какая-то школьница (сейчас не помню, кто именно) и кричит: «Ребята, война! Сегодня немцы напали на Советский Союз, они уже у Чёрного моря!».

Лидия Павловна Кондратьева

В то утро мы ещё не понимали всей трагичности этого события. В 1939 году была война с Финляндией, это было далеко и не страшно. Но всем почему-то стало не по себе. Кто-то предложил пойти в райком комсомола, куда мы и двинулись, забыв о празднике. Секретарь райкома подтвердила: «Началась война». В её голосе были растерянность и тревога, тревожно стало и нам.

Тут же нам предложили написать заявление на работу в госпиталь в качестве сандружинниц. И мы, все девочки, отправились в свою школу. Откуда-то появились военные, которые стали руководить работой. **Парты, столы, доски — словом, всё, чем пользовались учащиеся, — было вынесено. Вмиг появились кровати, одеяла, подушки.** Школа была тщательно вымыта, и к вечеру все классы выглядели, как палаты для раненых. С 22 июня мы уже числились сотрудниками госпиталя. Дежурили сутками.

Первые дней десять на работу ходили, как на отдых: брали с собой еду, ночью спали, разговаривали, смеялись. Но эта пора вскоре закончилась. *Как-то утром я пришла на работу и, уже на подходе к школе, почувствовала необычный запах: крови, пота, грязи.* На каждую сандружинницу приходилось по три палаты (класса). Мои классы были рядом с классами Лёли Ротс, и мы с ней решили для начала пойти по палатам вместе.

Было раннее утро, многие раненые ещё спали. Мы обошли палаты Лёли. Её кто-то позвал, и в свою палату я зашла одна. Тут меня поманил пальцем раненый. Лицо у него было забинтовано уже испачканным бинтом. Он мне стал знаками показывать на рот, на живот. Но я ничего не понимала и очень растерялась. Другой раненый меня вынул, сказал, что этот солдат ранен в лицо. По дороге в госпиталь их кормили, а раненый в лицо есть не мог и, вероятно, голоден.

В это время повязка с нижней части лица упала, и я увидела у своего больного дырку вместо рта, всю в запекшейся крови. И в ней висел язык, не знаю, на чём.

Я заплакала, кинулась искать старшую медсестру. Захлёбываясь от слёз, рассказала ей о том, что увидела. Она меня кое-как успокоила, сказала, что сейчас ему что-то приготовят и предложила мне самой его накормить. Я отказалась. Кто накормил моего раненого, я не видела. Но тут навалилось столько хлопот, что я об этом случае скоро забыла. Хирурги круглосуточно оперировали раненых, и самых тяжёлых сразу же отправляли в тыл.

Так мы проработали в госпитале до сентября. Когда немцы подошли к Демянску, из Валдая начали эвакуировать население. Эвакуировали и госпитали. Мы, девочки, упаковывали и отправляли подарки для бойцов Красной Армии. Ежедневно, начиная с 11 часов вечера, немцы бомбили железнодорожную дорогу. Услышав гудение немецких самолётов, моя мама начинала плакать и сразу принималась собирать вещи.

11 сентября 1941 года нас погрузили в открытые вагоны и увезли далеко от родных мест. Мечты об учёбе, о счастливом будущем закончились. И это уже была другая жизнь».

Война не обошла стороной ни одну семью. Она постучалась в каждый дом, и никого не пощадила.

Моё поколение не знает войны. Мы никогда не сможем прочувствовать всех бед, которые она принесла нашему народу. Как всё минувшее, в чём мы не участвовали и чему не были свидетелями, та Великая война вызывает у нас не воспоминания, а размышления... Мы не вспомним поросшие бурьяном и покрытые ржавчиной поля, пресный вкус кирпичной пыли на руинах городов и сёл, запах смерти — не символический, а реальный. Мы не можем это вспомнить и заново пережить, потому что это было не с нами. 27 миллионов наших людей — мужчин, женщин, детей — унесла война. Им уже не помочь. Они больше не ждут сострадания и участия.

Но мы должны о них помнить!

И мы помним о них!

Даниил Дмитриев

Даниил Дмитриев
гр. 0041

За участие в боях
против Японии
А. М. Кузьмин
награждён орденом
Отечественной
войны 2-ой степени,
медалями «За боевые
заслуги», «За победу
над Японией»,
многочисленными
юбилейными
медалями.

Осталась в памяти война

Александр Мефодьевич Кузьмин родился в 1925 году в Тверской области, участвовал в сражениях против германских и японских войск.

Его отец, крестьянин, кузнец, 22 марта 1938 года был репрессирован Тройкой УНКВД Калининской области, осуждён по ст. 58-10 УК РСФСР, приговорён к 10 годам лишения свободы. Вернулся домой в январе 1944 года, был реабилитирован 24 апреля 2002 года прокуратурой Тверской области. В настоящее время реабилитированы и его дети.

Ветеран вспоминает:

«Как жилось без отца? Очень трудно. Семья была большая, состояла из 10 человек. Кроме родителей и шестерых де-

тей, были дедушка (отец отца) и тётушка (младшая сестра матери).

Старший брат по окончании Московского механического техникума сначала работал в Ленинградской области, затем в Архангельской. Последние годы жизни провёл со своей семьёй в Казани.

Сестра после окончания педагогического училища работала в школах Фировского района. Второй брат, 1919 года рождения, с 1941 года по 1945 находился на военной службе в Красной Армии, участник ВОВ.

С матерью остались я и младший брат, 1927 года рождения. Брат до призыва в армию работал слесарем на лесопильном заводе.

Некоторые деревенские юноши, и я в том числе, работали на заводе подсобными рабочими: отвозили опилки, пиловочный материал и т. д. Платили нам за работу по 3 руб. 60 коп. в день. **В период школьных каникул приходилось поработать и на сплаву.** Эта работа состояла в том, что лесоматериал (брёвна длиной 6,5 м, дрова и др.), заготовленный зимой, вывозили на берег реки Шлины. Весной и осенью, когда река освобождалась от ледостава, его сбрасывали в речку, а потом сплавляли вниз по течению.

Конечно, работа на сплаву была тяжёлой. Нужно было в большую весеннюю воду успеть подготовиться: спустить лесоматериал в речку, установить отбойные

Александр Мефодьевич Кузьмин

деревья так, чтобы основной материал не попадал в её заливные места. Если успеешь подготовиться, то работа по сплаву леса до места назначения (лесопильный завод Шлина, Вышневолоцкое водохранилище и др.) будет выполнена в самые короткие сроки, а, значит, и заработок будет хорошим.

Работая на сплаву леса, ночлег, как правило, устраивали на берегу реки, на открытом месте или в деревенской бане. Еду готовил повар — член нашей бригады. Очень вкусным всегда был суп из свежих белых грибов. Днём во время отдыха мы старались располагаться в тех местах, где был хотя бы небольшой ветерок: там меньше заедали комары. *Кроватью для меня, как правило, была метровая доска или половина метрового полена, на которое я ложился и мгновенно засыпал.*

Как обстояли дела с учёбой?

В 7 лет пошёл в первый класс. Начальную школу закончил по месту жительства, а в 5-7 классах учился в Рождественской восьмилетней школе, куда надо было ходить за 7 км. Среднюю школу заканчивал в посёлке Фирово, уже в 25 км от дома. В Рождественскую школу добирались в поезде, а домой возвращались в субботу после занятий. В Фировскую школу ездили на поезде, а домой в субботу шли пешком. Жили, чаще всего на частных квартирах. Я и ещё 10 человек жили у моей родной тётюшки. Питались все вместе, спали на полу, жили очень дружно. В один год сразу три брата (я, Ваня и Коля) учились одновременно в одной и той же школе. Я учился в 5-м классе, а братья — в 7-м».

Мальчишки в то время увлекались различными самострелами-поджигалками. Брат Коля в качестве ствола для поджигалки приспособил ствол от револьвера, который ему подарил один из одноклассников. Отец приятеля был милиционером. Поджигалку зарядили и ушли в школу. Все 10 членов нашей семьи сидели за обеденным столом и ждали Колю. А Коля, как только пришёл, решил проверить в действии изготовленный пистолет.

Вдвоём вышли на улицу, поставили полено, а на полено — консервную банку. При выстреле то, что было в канале ствола, выбросило почему-то не вперёд, а назад, и Коле свинцовой заглушкой проломило голову. И хотя брата быстро увезли в больницу, спасти его не удалось. Коля учился только на «4» и «5», пользовался авторитетом среди сверстников, был любознательным, хотел стать инженером.

В начале войны многие мужчины были призваны в Красную Армию. Те юноши и девушки, которые ещё по возрасту не подлежали мобилизации, привлекались к различным работам.

Группа из 30 человек, в которую входил и Саша Кузьмин, принимала участие в строительстве оборонительных сооружений в Новгородской области. На поезде ребят довезли до одной из станций (не доезжая Осташкова). Потом они шли пешком через посёлок Полново и дальше — до Филипповой Горы. Жители деревни были эвакуированы. Группу разместили для проживания в одном из амбаров, который был заполнен свежим сеном. Руководитель разрешил брать всё, что выросло на огородах деревенских жителей. Ребята должны были построить такие сооружения, которые не смогли бы преодолеть немецкие танки, — противотанковые рвы.

В рабочем посёлке в здании школы был открыт госпиталь, куда для лечения доставляли раненых. Особенно много везли из Новгородского, Демянского районов, Старой Руссы. Раненых доставляли автотранспортом и на малых самолётах. Для посадки и взлёта лёгких самолётов было приспособлено ровное поле, а вот для автомашин нужны были проходимые дороги. В годы войны зимы были снежные. Для расчистки дорог от снега было мобилизовано всё население посёлка. Звали всех, кто мог держать в руках совковую лопату, — отказов не было. Дороги поддерживали в таком состоянии, чтобы в любое время можно было вывезти с фронта раненых, а на фронт отправить оружие, боеприпасы, продовольствие — всё, что потребуется.

Конечно, не всех тяжелораненых врачи госпиталя могли вылечить. Умерших военнослужащих хоронили на высоком берегу реки Шлины.

«Моя мать, Евдокия Андреевна Кузьмина, — продолжает Александр Мефодьевич, — работала в госпитале прачкой. Одновременно заведовала продовольствием, чему мы были очень рады. Конечно, стирать вручную бельё раненым было трудно, но мать это делала хорошо. Естественно, я ей помогал: нужно было наносить воды из речки, принести дров для кипячения и глажения белья — работы хватало. Нареканий от раненых и руководства госпиталя по поводу стирки мы не получали».

Поблизости от посёлка проходила железная дорога, связывающая Бологое, Осташково и Великие Луки. По ней на фронт переправляли боевую технику, личный состав боевых частей Красной Армии. Недалеко от станции Шлина через одноимённую речку был переброшен железнодорожный мост длиной около 200 м. Немецкие стервятники хотели вывести мост из строя для того, чтобы нарушить железнодорожное сообщение. Сделать это им не удалось, хотя попыток было много. На запасном пути стояли платформы, а на них — зенитные установки. Вот они-то и не позволяли сбрасывать на мост бомбы с низкой высоты, а с больших высот вывести из строя мост немцы не смогли. Были также попытки взорвать мост силами диверсантов, но и таким путём сделать это не удалось: мост охранялся военными из гарнизона, находящегося поблизости. Для охраны моста использовались сторожевые собаки, по две на каждом берегу. Кроме того, ежедневно группа из 5-6 юношей и девушек под руководством офицера гарнизона прочёсывала территорию вокруг моста для обнаружения диверсантов. Но ни разу никого обнаружить не удалось.

В конце 1942 года юноши 1925 года рождения призывались в Красную Амию, а 1 января 1943 года все получили повестки. Было предписано срочно явиться в Фировский райвоенкомат для прохождения воинской службы.

До военкомата добирались на грузовой автомашине, покрытой брезентом. После регистрации всех отправили поездом до Калинина с пересадками на станциях Бологое-2 и Бологое. С Бологого-2 до Бологого добирались пешком. Такой способ передвижения уменьшал риск попасть под немецкую бомбёжку,

а бомбили населённые пункты, особенно Бологое, почти ежедневно, а то и по несколько раз в день.

Сформированный из товарных вагонов состав, в котором разместили призывников, двинулся от станции Калинин на Дальний Восток. Вагоны были оборудованы деревянными нарами. В каждом установлена чугунная печь, так что, несмотря на холодную погоду, в поезде было тепло. До места службы добирались долго, с остановками на узловых станциях для всяких бытовых нужд.

В роте было около 150 человек сержантского и рядового состава. Все проживали в одной казарме, спали на нарах под байковыми одеялами.

«В армии, — говорит Кузьмин, — очень велика роль командира. Важно, кто тобой командует. Прошло более 60 лет, как я закончил службу в армии, но до сих пор только хорошими словами вспоминаю своих командиров.

Лейтенант Трекуценко И. М. всегда уважительно относился к своим подчинённым, за 3 года он не наказал ни одного солдата, всегда давал возможность людям отдохнуть.

Под стать ему был и командир отделения, сержант Ахмедшин Закир Мухамедгинович, родом из Башкирии, ст. Туймаза. Он «командовал» нами, как своими детьми. Мы от него грубого слова никогда не слышали. Питание у солдат в то время было, надо сказать, неважное. Но если командир, будучи дежурным по кухне, приносил лишнюю порцию какой-нибудь еды, то никогда не ел её в одиночку.

В нашей роте, как и во всех подразделениях полка, была комсомольская организация, секретарём которой избрали меня. Конечно, это было почётно, но и дополнительных забот появилось предостаточно. Например, нужно было выпускать ротную стенгазету. Редактором стенгазеты был Анатолий Васильевич Имбирёв. Стенгазета по площади была небольшой, но всегда содержательной. В ней отражалась жизнь не только личного состава нашей роты, но и освещались вопросы хода боевых действий, многое другое».

Великая Отечественная война близилась к своему завершению. Улучшилось продовольственное снабжение армии, старое обмундирование было заменено на новое. Некоторые солдаты и сержанты получили американские ботинки коричневого цвета. Выглядели ботинки привлекательно, но носить их было неудобно.

В воинских подразделениях проводились комсомольские и партийные собрания, на которых, наряду с другими, обсуждались вопросы подготовки Советской Армии к войне с Японией. На одном из таких собраний Кузьмин, как отличник боевой и физической подготовки, стал кандидатом в члены КПСС, а затем, через год, вступил в партию.

Воинское соединение, в котором он служил, расположилось в Монголии. Солдаты строили оборонительные сооружения: траншеи, противотанковые рвы.

Несмотря на то, что боевые действия на Западном фронте шли полным ходом, было ясно, что гитлеровская Германия скоро капитулирует, что и произошло в мае 1945 года.

В августе 1945 года Советское правительство объявило о начале военных действий против японских вооружённых сил.

Одноколейная железная дорога на участке Карымская — Борзя — Чойбалсан не могла обеспечить необходимого потока эшелонов с войсками и грузами. Поэтому части войск артиллерии на механизированной тяге и моторизованные соединения разгружались на железнодорожных станциях между Читой и Карымской, а далее они следовали своим ходом. Совершив марш от 600-700 км до 1000-1200 км из района Чойбалсана, войска трёх армий и части усиления выдвигались в районы их развёртывания на государственной границе Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го, то есть ещё на расстояние 200-250 км.

1043-й полк в составе 284-й стрелковой дивизии 17-й армии тоже выдвинулся в район развёртывания, куда прибыл в уста-

новленное время. Предстояло пройти более 200 км в полной выкладке в более чем тридцатиградусную жару. Трудность перехода состояла в том, что войска двигались по территории, где очень мало водоёмов с пресной водой.

7 августа поступила директива Ставки 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, где было приказано 9-го августа начать боевые действия авиации всех фронтов, а наземным войскам Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов — перейти границу с Маньчжурией.

И опять переходы по пустынной местности: кругом почти одинаковые сопки, лишённые растительности. Под палящим солнцем маршировать было очень трудно, поэтому командование приняло решение передвигаться ночью. Войска уже находились за пределами МНР, и нужно было соблюдать большую осторожность, так как противник мог быть рядом. Ночью при движении умудрялись спать, прислонившись друг к другу. Один переход был особенно трудным.

«После завтрака, — рассказывает ветеран, — личный состав стал отдыхать. После обеда предстоял новый переход. Но, оказалось, что мы остановились в том месте, где не было пресной воды. Только поздно вечером смогли обнаружить водоём, наполнить водой котлы походной кухни и приготовить еду. После ужина весь личный состав лежал на земле, укрытый шинелями. Покой отдыхающих берегли, в основном, офицеры».

Движение в ночное время, как правило, проходило без шума, курение запрещалось. Перед началом движения подразделений вперёд высылался дозор из нескольких солдат во главе с сержантом, который проводил разведку. В случае обнаружения противника руководитель группы дозора сообщал командованию части, которое принимало соответствующее решение.

«В одном из таких дозоров, состоявших из 6 человек, — продолжает Александр Мефодьевич, — был и я. Двигаясь параллельно основным силам, мы несколько отклонились влево. Я решил, что мы должны идти правее. Командир

разрешил мне двигаться в часть по тому направлению, которое я выбрал. Это моё решение было ошибочным, и я за это был наказан.

Я шёл в одиночку по территории, где нет воды, нет растительности, везде одинаковые сопки. Пройдя несколько километров в выбранном направлении, я вышел на мало-заметную дорогу, по которой, как я понял, проехала наша часть. К счастью, через несколько минут подошла грузовая машина, загруженная шестиметровыми досками. Машина меня подобрала, и таким образом я догнал свою часть.

Для меня этот самостоятельный поход закончился без особых неприятностей, а мог бы и трагически. Так поступать не следовало. Я оказался один среди пустыни: без компаса, без воды, без пищи...

Итак, пройдя довольно большой и трудный путь, наша воинская часть дошла до гор Большой Хинган. По сравнительно узкой дороге мы спустились к подножью гор и вскоре оказались на китайской территории».

Эта война была недолгой, но ожесточённой. 3 сентября был подписан акт о капитуляции Японии.

Родина достойно оценила подвиг своих сынов. 93 бойца стали Героями Советского Союза, а шестеро получили золотую звезду Героя во второй раз. Свыше 300 тысяч человек получили ордена и медали. Всем участникам войны с Японией была вручена медаль «За победу над Японией».

После расформирования воинской части несколько человек сержантского и рядового состава для продолжения службы перевели в состав 12-ой воздушной армии. Кузьмин был направлен курсантом в Вознесенское авиационное военное училище. После расформирования училища его перевели на службу в 23-й отдельный инженерно-аэродромный батальон 12-ой армии, где Александр Мефодьевич прослужил с декабря 1945 года по сентябрь 1950 года. Батальон дислоцировался в посёлке Дацан Читинской области.

Летом батальон занимался ремонтом взлётно-посадочных полос аэродрома, а зимой — подготовкой к летним ремонтным работам.

После окончания службы в Советской Армии Александр Мефодьевич Кузьмин с 1950 по 1952 г. обучался на физико-математическом факультете Вышневолоцкого учительского института. В 1955 году заочно закончил физмат Калининского пединститута.

За участие в боях против Японии А. М. Кузьмин награждён орденом Отечественной войны 2-ой степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Японией», многочисленными юбилейными медалями, в том числе медалью Монгольской Народной республики в честь 30-летия победы над Японией.

Александр Муравьев

Игорь Шуляков
Александр Муравьев
гр. 9411

На дорогах войны
всякое случалось:
и в кювете можно
было оказаться,
и зажигательные
бомбы приходилось
тушить, и огонь
песком засыпать,
и пилить дрова
для паровоза, когда
кончался уголь.

Смешалась с кровью память о войне

Дмитрий Сергеевич Минин в 30-е годы уже успел отслужить в армии. В начале Великой Отечественной войны он работал на Новгородском промкомбинате. Когда немецкие самолёты уже бомбили Новгород и Кречевицы, на промкомбинате выполняли военные заказы: изготавливали гвозди для восстановления мостов, делали пружинки для мин, «ежи» против автоколонн.

«Вечером после работы, — рассказывает Минин, — рыли вдоль вала противотанковые рвы. Ночью по Новгороду ходили только по пропускам, так как было много людей, бежавших от войны из Латвии, Литвы, Эстонии. Бежали на лошадях и машинах, часто без документов, и под этой

маркой просачивалось много шпионов. Люди бежали неорганизованными группами, многие не успевали даже одеться и собрать нужные вещи».

Вечером Дмитрию Минину принесли повестку из военкомата. На площади собралось около двухсот человек. Но им приказали не собираться большими группами, так как уже трижды бомбили Новгород Кречевицы, московскую и ленинградскую дороги.

В Ленинград отправились на барже. Перед рассветом баржа остановилась у волховского моста около Чудова. От железнодорожной станции уже на поезде добирались до Ленинграда. А там все казармы были заполнены, и новоприбывшим пришлось ночевать прямо во дворе. Утром набирали в разные военные части — в стрелки, радисты, пулемётчики, а прибыли сплошь одни сапожники да плотники.

Группу плотников и сапожников повезли в баню, подстригли и переодели. После обеда всем выдали противогазы, сухой паёк, средства для очистки кожи от отравляющих веществ и приказали заполнить похоронные медальончики. Дальше с Лесной улицы через весь Ленинград повезли на Московский вокзал. На вокзале каждой группе выдали по 5 винтовок старого образца. К этому времени эшелоны, заполненные солдатами, уже были готовы к отправлению.

Группу Минина передали железнодорожным войскам. Посадили по 18 человек в вагоны, в которых сверху и снизу были настилы. Такие вагоны назывались железнодорожно-восстановительными.

Игорь Шуляков

Минина определили в команду связи. Дав «когти», в течение двух дней учили лазить по столбам, делать из проволоки скрутку, соединять порванные провода.

25 июля всех погрузили в эшелон, довели до Любани, и там они впервые попали под вражескую бомбёжку. Но настоящее боевое крещение получили под станцией Озёрная. Немецкие самолёты налетели внезапно. Осколки бомб летели во все стороны. Приходилось прятаться в кустах или ямах. Рельсы были разбиты, пути разрушены по всем направлениям. В тот раз полностью разбомбили три вагона. Сразу после бомбёжки пришлось восстанавливать связь: перерезанные осколками провода нужно было связывать. И когда связь, наконец, восстановили, Минин увидел в зеркале только свои глаза и зубы, остальная часть лица была чёрной от копоти и грязи.

Эшелон, в котором служил Дмитрий Сергеевич, с 12-ю или 13-ю отрядами работал на железнодорожном пути от мстинского моста до Ленинграда. В середине августа наши войска оставили Новгород, и связистов отправили на Волоколамскую железную дорогу под Москву.

Следующий пункт назначения — Ржев. Когда после прибытия солдаты ещё спали, прозвучала тревога — авианалёт. Все выбегали из вагонов — кто куда, некоторые прыгали в траншеи. Зенитные орудия начали стрелять по вражеским самолётам, а те куда-то повернули и сбросили десант под Ржевом в нашем тылу.

Связистов опять посадили в эшелон, довели до станции, потом на машине — до Ржева: восстанавливать связь. Остановились на какой-то фабрике, сходили в баню, надели новое бельё. Вернувшись, получили приказ на восстановление связи Ржев-Торжок. Ночью их посадили в машину и повезли через весь город. В городе не было ни души, всё гражданское население эвакуировано. Когда доехали до окраины, начало светать. Повсюду слышалась стрельба из дальнобойных пушек. Вражеское кольцо вот-вот сомкнётся, осталось всего 2,5 км. Надо было торопиться.

Связисты быстро собрались, сели в машины. Им показали, как быстрее и безопаснее выбраться из города. Когда, наконец,

выбрались, то увидели, что по всему полю идут толпы людей: кто на велосипеде, кто на своих двоих. Вещи везут на тележках, несут на плечах. Колонна автобусов везла раненных в бою под Ржевом.

И вдруг налетел вражеский истребитель, стал поливать людей огнём из пулемёта.

У воронки колонна остановилась. Люди начали рубить деревья и засыпать воронку. Но не успели — налетели уже семь самолётов и начали бомбить дорогу. Вот как об этом вспоминает ветеран:

Дмитрий Сергеевич Минин

«Мы бросились в лес. Бежим, и я слышу: «И-и-и-и...». Падая, бомба издаёт такой же вой, как сирена. Кричу: «Ложись!». Бомба взрывается, земля поднимается, нас подбрасывает. Самолёты отбомбились и улетели. А мы опять стали рубить деревья. Как у всех связистов, у нас были топоры, и пилы, и ломы. Надо было расчищать дорогу, чтобы объехать воронку. Кто-то пилил, кто-то сучья носил, чтобы яму зарыть — надо же как-то двигаться дальше!»

Вдруг опять налетели три четырёхмоторных самолёта. И стали бомбить то, что мы зарывали. Когда бежали в лес, меня контузило и легко ранило. Что было дальше, точно не помню. Помню только, что было много берёз. Думаю, при взрыве меня накрыло дерниной, то есть ударило меня не осколком, не волной, а куском дёрна. Я потерял сознание, а ребята меня подняли.

В целом, обошлось. Потом смотрю на берёзы — всё разворочено с корнями. И команда: «Собирайтесь». Все собрались, погрузились на машину. Дорогу уже заделали. Автобусы с ранеными пропустили вперёд. И вся толпа ринулась

за ними, как на Первомайском празднике. Сплошная лавина — тысячи людей: у кого на плечах повозки, у кого — ребяташки.

Остановились в деревушке левее Клина. Командир приказал остаться. Надо было у населения попросить продуктов и хоть чем-то перекусить. Нас ни в какую не пускали в дома, но одну женщину мы всё-таки уговорили.

Эта женщина сварила нам похлёбку. В тепле я почувствовал, что у меня мокрая нога. Присел, посмотрел, а у меня целый лоскут из ботинка вырван. И осколок торчит. Видно, попал во время бомбёжки. Кость не задел, а кровь уже запеклась. А я даже не почувствовал».

На дорогах войны всякое случалось: и в кювете можно было оказаться, и зажигательные бомбы приходилось тушить, и огонь песком засыпать, и пилить дрова для паровоза, когда кончался уголь. Наступала зима, а бойцы остались в летней одежде. Так и работали в ней: сбивали лёд с проводов.

Когда Дмитрия Минина вызвали в Данилов, ему пришлось добираться на попутках. В итоге, выдали ему слегка перекошенную машину, и стал связист фронтовым шофёром. Так и прослужил за баранкой до 1947 года. Победу встретил в Германии, в 60-ти километрах от Берлина. Там и узнал, что Германия капитулировала.

Андрей Голубков

Сергей Фатеев
гр. 9041
Андрей Голубков
гр. 9061

Бывают особенные времена, словно бы предназначенные для испытания людей на прочность, на мужество, на способность сохранить в себе достоинство и лучшие человеческие качества.

Не бывает лёгких времён

На военную службу Василий Иванович Захаревский был призван в 1940 году в городе Смоленске. Взяли его в танковый десант для прикрытия танков. Служить отправили в Эстонию. 10-11 августа он уже находился в учебном полку. После учёбы был переведён в действующую армию.

«К войне с фашистской Германией, — говорит ветеран, — мы готовились. Ежедневно были учебные стрельбы, кроссы по 40 км. Но немцы тоже готовились. Каждое утро над нашими головами летал самолёт-разведчик, но из-за Пакта о ненападении наше командование не разрешало его сбивать».

Войну Василий Иванович встретил в тылу, узнал о её начале только в 4 часа дня.

22 июня 1941 года Предстоятель Русской Православной Церкви Патриарший местоблюститель митрополит Сергей обратился с воззванием к верующим. В своём «Послании пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» митрополит Сергей сказал: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину... Повторяются времена Батые, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона... Жалкие потомки врагов православного христианства хотят ещё раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой... С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу.. Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину... Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов... Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг. Именно нам особенно нужно помнить заповедь Христову: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

«Сталин обратился к народу, — продолжает Василий Иванович, — только 3 июля, через 12 дней после начала войны. Наш командир приказал держать оборону города, где располагалась наша часть. Я наблюдал ужасную картину: Через дорогу был военный аэродром, где стояли фанерные истребители. Ни один из них не взлетел!

Поддержки не было, и командир приказал нам отступить в Ригу. Но город уже был занят врагом. Решили отступить дальше, вглубь тыла. Шли до реки Западная Двина, попали в окружение; пересечь реку смогла только треть нашей дивизии. На том берегу встретили роту пограничников. У них были карты местности, и мы решили отступить вместе с ними. Отступали до первой полосы обороны Москвы под деревней Нелидово (сейчас Тверская область). Наше отступление длилось с июня 1941-го до марта 1942 года.

Василий Иванович Захаревский

В сентябре во время наступательной операции под Смоленском я получил лёгкое пулевое ранение в ногу. Несколько недель провёл в военном госпитале, после чего вернулся в боевой строй. Я перешёл под командование Киселёва, который был в подчинении у Жукова».

Освобождение Европы шло успешно и без больших потерь, так как была мощная агитация. Друзья и сослуживцы Захаревского, как они говорили, шли «добывать раненого зверя».

Когда дивизия подошла к Одеру, заметили нашего солдата, стоявшего в карауле, и рядом с ним табличку: до Берлина — 140 км, до Москвы — 1690 км.

«Самое запомнившееся для меня событие, — рассказывает ветеран, — битва за Берлин. Это было самое тяжёлое сражение для меня и последнее сражение для всей фашистской

Германии. В этой битве участвовали почти все жители Берлина: от 12-летних детей до стариков!»

В Берлине Захаревскому выдали рацию, и он, по совместительству, стал радистом. Приходилось помогать в расчистке завалов, баррикад, для того, чтобы могли пройти танки. Командование нашей части приказало остановиться на Александер-плац рядом с Рейхстагом, так как дальше были последние укрепления немцев, и они очень хорошо охранялись. Немецкие снайперы при малейшем движении открывали огонь на поражение. Так был ранен сослуживец Василия Ивановича, который вышел из-за угла всего лишь на полметра. Был приказ стоять и ждать, когда наши войска возьмут Рейхстаг.

Последним самолётом, улетевшим из центра города, был маленький пассажирский лайнер, который забрал жену и дочь какого-то генерала СС. Причём наши этот самолёт не сбили! **Всего на взятие Берлина было брошено около 1 миллиона солдат Красной Армии.**

Последние сопротивлявшиеся немцы говорили, что они лучше сдадутся войскам США или Великобритании, чем русским — так они боялись расплаты за свои зверства! Известие о взятии Берлина застало Захаревского в деревне близ Берлина 2 мая 1945 года.

Эту страшную, но победную войну он закончил в звании старшего лейтенанта Красной Армии 2026-й механизированной дивизии Армии Краснознамённого орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого полка. За взятие Берлина указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года награждён медалью.

С Василием Ивановичем Захаревским мы встретились у него дома и были очень тронуты тем, что к нашему приходу он надел парадный мундир со всеми наградами. Услышав, что он воевал под Ржевом, мы удивились такому совпадению: именно оттуда мы приехали в НовГУ. Ну как не поблагодарить случай за такую встречу?

Не бывает лёгких времён. Каждое время для того, кто в нём живёт, складывается непросто. Это неоспоримая истина. Но бывают особенные времена, словно бы предназначенные для испытания людей на прочность, на мужество, на способность сохранить в себе достоинство и лучшие человеческие качества. Это роковые времена. И, может быть, только на долю России, как ни одной другой страны мира, выпало такое невероятное количество катастроф и потрясений, одним из которых стала Великая Отечественная война.

Сергей Фатеев

Сергей Фатеев
гр. 9041

Розе
посчастливилось
выжить на войне.

Я ушла из детства в грязную теплушку

Ветеран Великой Отечественной войны Роза Мартыновна Баева поделилась со студентами Политехнического института своими воспоминаниями о фронтовой юности.

Роза родилась в Подмосковье, в большой семье из 6 человек. Отец был мельником. За то, что у них были две коровы и своя мельница, семью раскулачили, хотя отец молол муку для всей деревни. Отец тяжело переживал, заболел и вскоре умер, и мать растила одна троих малолетних детей.

Роза Мартыновна вспоминает:

«Начало войны — страшное для меня время. Мои сёстры пошли в военкомат, и их взяли на фронт, а меня не брали из-за того, что я была ещё совсем молоденькая, меньше 17 лет. И я пошла в местный партизанский отряд. Я, ещё 4 девушки и 17 работников местной администрации тушили пожары, которые возникали от разрывов авиационных и артиллерийских бомб, собирали для раненых тёплые вещи.

25 октября 1941 года немцы заняли города Рузу, Волоколамск и Скирмановские высоты. На вершинах холмов шли очень трудные бои. Немцы заняли господствующую высоту 264, на которой располагалась маленькая деревушка. Там враг обосновался и устроил хорошую оборону.

Эта деревня стала преградой для нашей танковой бригады, которая спешила на поддержку к Москве. **Перед командованием встала задача: добыть информацию о количестве стоявших в деревне танков. Наш командир обратился за помощью к моим подругам — они отказались. А я согласилась!** Командир танковой бригады сказал, что информация нужна к 6 часам утра — именно в это время начнётся наступление на укреплённую немцами деревню. Путь был неблизкий, и знакомые ребята подвезли меня на полуторке.

Добравшись до деревни, я начала считать танки. Там я увидела молодого парня, солдата Красной Армии. Он был штрафником. Его, как и меня, послали в разведку, только

Роза Мартыновна Баева

с другой стороны движения танковой бригады на Москву. Мы обменялись данными, и вышло, что в деревне стояло 18 танков. Больше с этим парнем мы никогда не встречались.

Я помчалась назад, туда, где стояла танковая бригада. Ночь, вокруг враги... Бешено колотилось сердце. Я неслась, не разбирая дороги, спотыкалась, падала... А путь был длинный, около 7 км. Я успела, вернулась к 5 часам утра. Командир поблагодарил меня за информацию, которая очень пригодилась, и мне предложили остаться в медсанчасти в качестве медсестры».

Утром начался бой, горели земля и небо. Полыхало под ногами и над головой, потому что работали пушки и «катюши». Надо было спасать раненых солдат, а они были совсем молодыми: всего по 17-18 лет. Никто не хотел умирать, и Роза, как могла, поддерживала всех, утешала, хотя не каждому могла помочь. Были тяжелораненные, которым она от бессилия не могла сморгнуть в глаза. Были среди солдат и настоящие герои. Один боец уничтожил 11 танков! После того, как его танк подбили и героя вытащили наружу, все решили, что он мёртвый — так он был изранен. Но он был живым и погиб только в следующем бою. Посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

«В следующем бою, — рассказывает Роза Мартыновна, — нашу часть разбили «в пух и прах», и нас направили под Москву, в село Бабушкино, на формирование. Там был сапёрный батальон. Когда нас собрали, прибыли новые танки. Нашу часть сформировали и отправили на 2-ой Белорусский фронт. В освобождённом Витебске в развалинах дома нашли письмо. 15-летняя девочка писала своему отцу, рассказывала о детском концлагере, в котором она находилась. Детей не кормили, и голодные дети умоляли приезжих баронов их купить. Немецким баронам разрешалось покупать в одни руки по 50 детей! Ужас!

Потом наша часть дошла до Кёнигсберга. На передовой было трудно. Жили в землянках, было очень холодно, недоедали, недопивали. Бывало и такое: когда начиналось наступление, сутками дрожала земля, и мы сутками оперировали, спаса-

ли жизнь раненым солдатам. Палатки располагались в лесу, и в них работали хирурги. Как-то раз так близко разорвался снаряд, что меня отбросило на колючую проволоку, и я повредила себе щеку. Но мне её быстро зашили, и всё обошлось. Это было моё единственное ранение на войне».

Самый тяжёлый и запомнившийся бой был под Лиозно. Земля в буквальном смысле была залита кровью. В этом бою Роза ходила по окопам и дезинфицировала солдатам раны. Тем, у кого была температура, накладывала мокрые полотенца. Старалась каждому хоть чем-то помочь. Через какое-то время девушку знакомые солдаты ещё раз подвезли в те же места. Там на опушке росла брусника; ягоды казались ей капельками свежей крови. Вот такой страшный бой был под Лиозно. Столько лет прошло, но и теперь о нём страшно вспоминать.

Как-то в Германии солдаты поймали корову. А доить никто не умел. Попробовала Роза — у неё получилось. Так на войне и научилась доить корову.

К бою всегда были готовы. В затишье между боями готовили бинты, тампоны, зажимы, стерилизовали инструменты.

О капитуляции Германии Р. М. Баева узнала в городе Васенштайн 8 мая 1945 года в 16.00. В этом городе располагалась их часть при взятии Кёнигсберга.

Розе посчастливилось выжить на войне, а вот её брат Александр погиб.

Роза Мартыновна Баева награждена орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и другими.

А на высоте у деревни Скирманово в её честь установлен памятник: «Солдат и девушка» с надписью «Роза-разведчица».

Отрывок из письма, найденного в развалинах Витебска (Лиозно — городок в Витебской области). Пишет дочь офицера своему отцу.

«13.03.43 года. Лиозно.

Дорогой, добрый папенька! Пишу тебе письмо из фашистской неволи. Когда ты будешь его читать, меня уже в живых не будет. Это вещает твоя умирающая дочь. Когда вернёшься домой, маму не ищи. Её расстреляли немцы, они спрашивали о тебе, мама не сдержалась и громко крикнула: вы меня не запугаете битьём, я умираю, но мой муж придёт и расправится с вами, вышвырнет вас отсюда вон. Офицер взял пистолет и выстрелил маме в рот. Мне сегодня исполнилось 15 лет, но если бы ты увидел меня, то не узнал бы, что это твоя дочь. Я стала очень худенькая, мои глаза ввалились, косички обстригли наголо, руки высохли. Когда я кашляю, изо рта идёт кровь. У меня отбили лёгкие, я рабыня помещика барона Шаулена. **Работаю у них прачкой, стираю бельё, мою полы, работаю очень много, а ем два раза в день из корыта, с двумя хозяйскими свиньями.** В комнаты мне входить нельзя. Один раз мне горничная, полька Юзефа, дала кусочек хлеба, а хозяин увидел и долго бил её за это. Два раза я убежала от хозяев, но меня находили. Барон срывал с меня платье, бил ногами и бросал в подвал. Сегодня мне Юзефа сказала, что нас угоняют в Германию. И я решила, что лучше умереть на родной сторонкушке, чем быть втоптанной в чужую землю. Только смерть спасёт меня от побоев. Завещаю, папа: отомсти за маму и за меня. Прощай, дорогой папенька, ухажу умирать.

Твоя дочь Катя Сусанина.

Моё сердце верит, что письмо дойдёт».

«Солдат и девушка». Роза-разведчица

Павел Ершов

Александр Баталов
Павел Ершов
Андрей Богданов
гр. 8041

Сам он должен был находиться в командном пункте, но он плечом к плечу с солдатами пошёл в бой.

Жить решил назло всему — и выжил!

В «Книге Памяти» 1995 года издания значится, что Смирнов Николай Никифорович «...погиб 30 апреля 1942 года, захоронен в деревне Добровольная Киришского района Ленинградской области». А он, «всем смертям назло», здравствует и поныне и к своим 87-и годам сумел сохранить жизнелюбие, чувство юмора, искренность, веру в людей.

Николай Никифорович Смирнов, уроженец Любытинского района Новгородской области, в 1940 году окончил неполную среднюю школу. После семилетки 15-летний Николай в течение нескольких месяцев проработал завклубом, где собиралась вся молодёжь родной деревни.

«В то время, перед самой войной, — вспоминает ветеран, — был очень высокий патриотизм. В школе всемерно воспитывались любовь к Родине, гордость за свою страну, уважение к армии, тяга к физкультуре и спорту. Страна жила под девизом: «Мы войны не хотим, но себя защитим». Я в посёлке Неболчи окончил курсы инструкторов по противовоздушной и противохимической обороне и всем премудростям, полученным на курсах, обучил односельчан. Эти знания и умения в военное лихолетье им очень пригодились».

Александр Баталов

На курсах занимались изучением средств индивидуальной защиты, отравляющих веществ, которые создавались в то время. Учили на практике, как дегазировать местность после поражения ипритом. В школах работали кружки: «Готов к труду и обороне» (ГТО), Ворошиловский стрелок» и многие другие.

После курсов Николая Никифоровича направили в Кириши на учёбу по специальности слесаря-инструментальщика. Когда к деревне Посадников Остров подошли немцы, училище эвакуировали.

Николая призвали в истребительный батальон при НКВД в должности командира взвода. Батальон занимался охраной боеприпасов, которые подвозились к фронту, общей подготовкой к ведению боевых действий. Одним из боевых заданий нашего ветерана стала охрана немецкого танкиста, взятого в плен нашими частями и доставленного на территорию истребительного батальона.

В феврале 1942 года Смирнов был зачислен в ряды Красной Армии. Из посёлка Неболчи его вместе с другими новобранцами отправили в Ларьян-торфострой (шли пешком, ночами, дабы не попасть под обстрел). Там в течение первых двух месяцев новобранцев обучали снайперскому делу. В конце апреля на станции Дыми погрузили в эшелон и доставили на передовые позиции, в район посёлка Добровольный Киришского района Ленинградской области. Там в составе 1-го батальона 1082-го полка 310-ой стрелковой дивизии Николай получил боевое крещение. В этой дивизии в составе Волховского фронта сражался до своего последнего ранения.

В первом для Николая сражении перед бойцами была поставлена задача — овладеть вражескими траншеями. 1 мая 1942 года начались военные действия. Поначалу нашим удалось прорвать передний край обороны противника. Правда, закрепить успех надолго не удалось. Вскоре были вынуждены отойти на исходные позиции. Были большие потери с обеих сторон. Пришлось занять оборону. Часть павших на поле боя бойцов удалось вынести и захоронить, часть осталась на нейтральной полосе. Остался на поле боя и командир стрелковой роты.

На следующий день после боя Николаю Смирнову и двум другим красноармейцам был дан приказ вынести командира. Поползли... Когда до тела оставалась пара шагов, фашисты открыли огонь. Откуда в этот момент появились три советских штурмовика, которые начали поливать огнём траншею противника, для выполняющих спецзадание так и осталось загадкой. Но штурмовики их выручили! Пока немцы укрывались от огня самолётов, бойцы сумели подтянуть из нейтральной зоны на наши позиции тело командира.

Николай за эту операцию получил свою первую медаль. А через две недели, 14 мая, — первое ранение: осколком снаряда в ногу. Полтора месяца пролежал в госпитале, и снова — на фронт, в родную часть, которая располагалась в районе Киришей, захваченных немцами.

В одном из боёв местного значения был контужен, снова попал в госпиталь. Там из письма матери узнал, что она ещё после

Павел Ершов, Н. Н. Смирнов, Александр Баталов

первого ранения получила «похоронку». Позже эта «похоронка» и стала основанием для ошибочной записи в «Книге Памяти».

А солдат наперекор всему выжил, залечил раны и продолжил фронтовую службу в родной части. За рукопашный бой в районе Киришей, когда дрались штыками, прикладами, руками, комсорга стрелкового батальона Н. Н. Смирнов наградили медалью «За отвагу». А вскоре он снова оказался в госпитале, потом — в своей части.

В 1943 году его избрали комсоргом стрелкового батальона численностью 120 человек. Как раз в этот период встал вопрос об освобождении Великого Новгорода. Бой за освобождение Новгорода в январе 1944 года стал для красноармейца Смирнова последним в войне с фашистами.

Комсорг перед боем должен был подбадривать личный состав, выбрать знаменосцев, которые смогли бы вдохновить наступающих. Сам он должен был находиться в командном пункте, но он плечом к плечу с солдатами пошёл в бой. И получил ещё одно ранение, на этот раз очень серьёзное: пуля прорвала кишечник и вышла через крестец. Когда его с тяжёлым ранением в живот,

доставили с поля боя в санитарный взвод, **военфельдшер решил: не жилец (родным пошла вторая похоронка).**

Но Смирнов выжил. Его направили в госпиталь, настаивали на операции, которую впоследствии сделали без его согласия. Затем в Боровичах прооперировали повторно. А оттуда, поскольку о скором возвращении на фронт не могло быть и речи, отправили глубоко в тыл, под Ижевск, на восстановление. В Удмуртии — третья операция, полгода лечения, а в августе 1944 года после почти трёх фронтовых лет 20-летнего Николая Смирнова комиссовали. От предложения остаться при госпитале Николай Никифорович отказался и попросил отправить его домой к больной матери.

Коммунист Н. Н. Смирнов после войны окончил в Ленинграде Высшую партийную школу ЦК. По направлению партийных органов работал в Хвойной, Пестово, Окуловском районе.

Участник Великой Отечественной войны и боевых действий по освобождению Великого Новгорода, Н. Н. Смирнов награждён многими государственными наградами: орденом Отечественной войны 1-ой степени, орденом Славы 3-ей степени, орденом Красной Звезды, орденом «Знак почёта», медалью «За отвагу», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-ой степени и другими.

В 2008 году член президиума областного Совета ветеранов Смирнов награждён почётным знаком «За заслуги перед Великим Новгородом». Его имя занесено в Книгу Почёта городской ветеранской организации.

31 мая 2010 года решением Думы Великого Новгорода Н. Н. Смирнову присвоено звание «Почётный гражданин Великого Новгорода».

В настоящее время, несмотря на возраст, Николай Никифорович крепок душой и телом. Ведёт активную общественную работу по социальной поддержке ветеранов и патриотическому воспитанию молодёжи. Неоднократно встречался со студентами Политехнического института, и эти встречи, интересные и важные для студентов, всегда радуют ветерана.

Андрей Богданов
гр. 8041

Огромное
им спасибо
за мужество,
за их ратный
подвиг, за то,
что у нас есть
будущее.

Андрей Богданов

Они прошли все ужасы войны

66 лет назад закончилась Великая Отечественная война, которая оставила свой страшный след в судьбе практически каждой семьи. Не обошла она стороной и нашу семью.

Бабушка и дедушка моей мамы — жители Ленинграда. Дедушка в первые же дни войны ушёл в ополчение, защищал подступы к Ленинграду. Погиб под обстрелом и похоронен, как большинство солдат, на Пискаревском кладбище в одной из братских могил.

Бабушка пережила все ужасы блокады: голод, холод, бомбёжки. Работала на ткацкой фабрике, где шили обмундирование для солдат. После войны она долго не могла привыкнуть к мирному небу над головой. Прожив до 90 лет, о голоде помнила до самой

смерти. Никто не умел так, как она, чистить картошку, оставляя тонкую-тонкую шкурку. Когда резала хлеб, то не выбрасывала ни одной крошечки. И очень долго у неё в специальном шкафчике хранились запасы соли, спичек и растительного масла.

Мамин дядя тоже погиб, защищая Ленинград. На второй день войны он пошёл в сельсовет с просьбой направить его в действующую армию, но ему отказали, так как по возрасту он не подлежал мобилизации. Чтобы добиться своего, он пошёл в райвоенкомат. Военком просьбу удовлетворил, районная газета «Большевистское знамя» опубликовала его заявление.

Часть, в которую попал дядя, заняла оборону на дальних подступах к Ленинграду и вела ожесточённые бои с немецкими захватчиками. Он героически сражался, первым показал пример мужества, подбив несколько танков, но был смертельно ранен. Он умер в блокированном Ленинграде и похоронен на Пискаревском кладбище. Когда мы семьёй приезжаем в Ленинград, то обязательно идём на Пискаревском кладбище и отдаём дань памяти защитников города.

Второй мамин дядя воевал в мотострелковой части, в разведке. Воевал храбро, много раз побывал в тылу врага, имел награды. Старшина Неведов дошёл до Германии, был ранен. Его направили в госпиталь подлечиться, но осколок случайно залетевшей мины оборвал его жизнь. Это случилось на территории Германии у деревни Лампенсдорф за несколько дней до Победы. После войны бабушку пригласили в Германию посетить могилу брата.

Давно закончилась война, так мало осталось ветеранов, которые прошли сквозь пекло войны. Многие отдали свою жизнь за наше будущее.

Огромное им спасибо за мужество, за их ратный подвиг, за то, что у нас есть будущее.

Андрей Сарин
Сергей Власов
гр. 9041

Мы поняли,
как непростительно
мало мы знаем
о героической
истории нашей
страны.

Андрей Сарин

В далёкий край товарищ улетает

Лауреат Форума «Общественное признание», ветеран Великой Отечественной войны Александр Николаевич Абрамов родился в деревне Мысловичи Валдайского района. Начал самостоятельную жизнь в 16 лет. Окончил техникум, отслужил в армии. В авиационной школе получил специальность механика и в числе шести человек был направлен в Смоленск в 31-й полк, который готовили для отправки за границу.

Там Абрамова в 1941 году и застала война. С первых дней под непрерывными бомбёжками полк с боями отступал. Наши потери были очень большими. Но, как вспоминает ветеран, хороший командир организовал грамотное рассредоточение самолётов, иначе потери были бы ещё больше.

Сергей Власов

Самой сложной операцией было форсирование Риги. Мост был разбит. Переправляли сначала раненых, затем штаб, потом всех остальных. Отступали до Старой Руссы. В полку оставалось только 16 самолётов из 66. И уже в Старой Руссе даже эти последние самолёты сразу же после прилёта и заправки были уничтожены — разбомблены в результате немецкого налёта. Не осталось ни одного, и помощи ждать было неоткуда.

Это случилось 17 июля. А потом пришла шифровка с приказом о передислокации в Москву. Объявили общий сбор личного состава, но из пяти эскадрилий собрали только

две. Три эскадрильи — и люди, и техника — были уничтожены. Вот такие потери...

Всех, кто остался в живых, отправили в Москву в академию Жуковского. Добирались, кто как мог. На второй день остатки полка перебазировали в Монино. Там они пробыли полтора месяца. Получив новые самолёты, новую материальную часть, отправились под Ленинград.

Целых три года жили в землянках и окопах, а там сыро, внизу вода. Работать механиком было очень трудно, особенно зимой. Чинить самолёты нужно было голыми руками, варежками ничего не возьмёшь. Руки прилипали к металлу, а надо было круглые сутки быть в боевой готовности. Под Ленинградом пробыли до 1944 года.

Участвовали в освобождении Тихвина. Полк получил знамя и звание гвардейского, а бойцы — медали «За оборону Ленин-

града». Длительное время держали оборону: ближние бомбардировщики разбивали идущие немецкие пополнения, железные дороги, вели разведку. Конечно, потери были, и очень значительные.

Поступило пополнение, из двух эскадрилий сделали три. 14 января 1944 года перед полком была поставлена задача — освободить Новгород, и до 20 января город был освобождён, а полк стал именоваться Новгородским.

«Мы участвовали, — вспоминает Александр Николаевич, — в освобождении Новгородской области, в прорыве блокады Ленинграда. Потом форсировали реку Великая, взяли Псков. Несколько месяцев на аэродроме Городец готовились к дальнейшему наступлению на Ригу. Полку была поставлена боевая задача — разрушить мост. Тренировались на специально выстроенном макете моста, чтобы выбрать правильное направление полёта и не слепило солнце.

После взятия Риги Северо-Западный фронт расформировали. Полк перевели на Белорусский фронт. Прошли с боями Белоруссию, Германию. Затем вернулись в Черняховск в Восточной Пруссии, где немцы ещё какое-то время не сдавались, и нужно было воевать».

В Калининграде до сих пор расположен 4-ый Новгородский авиационный полк, там же находится его знамя. После войны ветераны полка несколько раз побывали в Калининграде, но в последние годы уже не встречаются, потому что осталось их очень мало — многие ушли из жизни. Некоторые живут за гра-

Александр Николаевич Абрамов

ницей — в Прибалтике, Грузии, Украине, Армении. Из-за этого потеряны связи.

«Служба, — рассказывает Александр Николаевич, — была тяжёлой: из-за больших потерь и нехватки специалистов. Иногда к нам в полк прибывали с пополнением артиллеристы, пехотинцы и не выдерживали, возвращались в свои части. Коллектив был хороший, дружный, сплочённый. Нарушений дисциплины почти не было. Полк, в основном, состоял из русских солдат, но были также белорусы, украинцы, грузины, армяне. Очень хорошие ребята. Самые боевые — грузины. После русских — самые весёлые и геройские товарищи»

До сих пор с волнением вспоминает ветеран своих командиров — командира эскадрильи Трубицына и командира полка майора Добыша. Оба прошли Испанскую и Советско-Финскую войны. Трубицын был из Белоруссии, погиб в 1944 году при освобождении Новгорода. Его самолёт сбили немецкие истребители.

Командир полка Добыш остался жив. После войны окончил академию, стал генерал-майором, а затем генерал-полковником. Впоследствии командовал войсками ПВО (второе кольцо обороны Москвы).

Победу Александр Николаевич Абрамов встретил в Черняховске, где ещё шли бои с не сложившейся группировкой немцев.

После демобилизации приехал в Новгород, и был направлен новгородским райкомом партии в Валдай. Работал в леспромхозе начальником отдела кадров, потом — начальником производства, ещё позже — в аппарате леспромхоза.

В 1966 году из-за болезни ног Александр Николаевич переехал в Новгород, где проработал 25 лет на мебельном комбинате.

Вырастил дочку; дочка и её муж — учителя. Два внука окончили университет, работают на государственной службе, есть правнуки.

После встречи с Александром Николаевичем Абрамовым мы поняли, как непростительно мало мы знаем о героической истории нашей страны.

Победа в Великой Отечественной войне должна стать предметом национальной гордости нашего народа. Надо видеть и помнить не только доблестные операции на фронтах и мастерство наших полководцев, но и другие аспекты войны: голод, болезни, тяжелейший труд, лагеря.

Всё это не только не умаляет роли нашей страны в битве с фашизмом — напротив, подчёркивает героизм и стойкость старших поколений.

Полина Смирнова

Полина Смирнова
гр. 9061

После встреч
с ветеранами
понимаешь,
как коротка
и уязвима
человеческая
жизнь, и всё-таки
как много может
сделать человек!

Земля тонула в ярости огня

Владимир Сергеевич Могилевский родился 20 марта 1918 года на Украине, в маленьком уездном городке. Отца не было, и до седьмого класса мальчика воспитывал дед.

«Мама вторично вышла замуж, и нам пришлось переехать на Урал в город Магнитогорск, — вспоминает Владимир Сергеевич. — Там окончил 7 класс, получил 3 удостоверения: одно об окончании семилетки, второе — о присвоении профессии слесаря-электрика 3-го разряда и третье — о присвоении профессии токаря по металлу 3-го рабочего разряда».

Отчим слишком рано умер, в 36 лет, а у мамы, кроме меня, было ещё трое ребятишек. Семью нужно было кормить, поэтому я пошёл работать.

Знакомые помогли устроиться в местную газету. Там я и работал до самой армии. Журналистике отдал почти два года. Когда в Магнитогорске открыли аэроклуб, меня как репортёра отправили освещать это событие. Но как писать о том, чего не знаешь?

Я всё посмотрел, записал что надо, спрашивал. А инструктор клуба говорит мне: «Слушай, а ты так и не полетал с нами? Садись, вот, в двухместный планер. Давай хоть слетаем». И я согласился. Нормально получалось! «С завтрашнего дня на занятия будешь ходить», — сказал инструктор. В итоге, я окончил планёрную школу, и это было здорово».

По окончании обучения в аэроклубе Владимир Сергеевич был направлен в Оренбургское лётное училище. Летал на трёх видах боевых самолётов, получил звание младшего лейтенанта.

После того, как он приобрёл специальность военного лётчика-истребителя, его назначили командиром экипажа в составе Отдельной истребительной авиабригады в Ленинградский военный округ — во Псков, на аэродром «Кресты». Отсюда он летал и во время Советско-Финской войны. Там же для него началась и Великая Отечественная. В октябре 1943 года начал формироваться 112-й гвардейский Брестский авиаполк дальней авиации.

«Мы летали на А-20G, так называемых «бостонах», — продолжает Владимир Сергеевич. — Машины были снабжены мощным оружием».

Владимир Сергеевич Могилевский

Отвечая на вопрос о самых ярких событиях военных лет, он пожимает плечами: дескать, трудно выделить какой-то особый день или случай за время службы. Приходилось и гореть в кабине самолёта, и сажать самолёт практически без хвоста.

«Это вообще был очень смешной случай, — вспоминает лётчик. — Мы летели на бомбёжку: я — ведущим, за мной — ещё самолёт. Там был молодой парнишка. Неопытный. Вот я ему и сказал: «Если вдруг увидим противника, ты приблизишься ко мне: плотность огня будет больше, защищаться легче». Летим. Чувствую, самолёт как-то потряхивает. Спрашиваю у штурмана: «Что случилось?». «Всё нормально, — отвечает он. Ситуация прояснилась, когда я с трудом посадил самолёт: у него практически не было хвоста. Ведомый так ко мне приблизился, что винтом стал рубить мне хвост. Если бы я в воздухе узнал, что происходит, неизвестно, смог бы посадить самолёт или нет».

Очень беспокоит ветерана, что многие события военных лет сегодня оказались почти забытыми. Был такой случай во время бомбёжки немецких укреплений в районе Бреста.

Его товарищ, лётчик Владимир Ивакин, уже понимая, что погибнет, направил самолёт, полный первоклассного горючего, на батареи противника. Вернувшись на базу, Могилевский сразу же подал рапорт комиссару о подвиге товарища, но документ куда-то затерялся. Остались без внимания и другие заявления, отправленные им уже в наше время.

«Моему товарищу не нужны медали, — сетует ветеран, — но память о нём должна жить. Может, хоть доску памятную установят на родине. Или мемориальный камень на месте гибели».

Сегодня Владимир Сергеевич Могилевский — единственный свидетель подвига экипажа. У него есть и карта местности, он может указать точное место гибели самолёта. Но пока на все его попытки достучаться до властей, пока никто не откликнулся.

Когда наша встреча подходила к концу, ветеран сказал нам напутственные слова:

«Вся жизнь нормального человека, я считаю, заключается в том, что он преодолевает и побеждает. Делайте дело, и всё будет хорошо. И когда будете своих ребятишек воспитывать, то воспитывайте так, чтобы они не боялись преодолевать трудности»

Владимир Сергеевич Могилевский награждён орденом Боевого Красного Знамени, орденом Ленина, тремя орденами Отечественной войны 1 и 2 степеней, двумя орденами Красной Звезды, медалью «За отвагу» и многими другими.

Мне кажется, что знание истории своей страны, её военной истории воспитывает у молодёжи благородство, сострадание и уважения к людям, которым наша Победа стоила здоровья, а то и жизни.

После встреч с ветеранами понимаешь, как коротка и уязвима человеческая жизнь, и всё-таки как много может сделать человек!

**Владимир Сергеевич
Могилевский**

Я взглянул
на стабилизатор и...
потерял дар речи!
У нашего самолёта
была лишь половина
руля высоты!

Владимир Сергеевич Могилевский

Друзья-однополчане

Это было давно. Почти семь десятилетий назад. Судьба свела меня со многими замечательными людьми, ставшими моими боевыми друзьями — соратниками. Их прекрасные, открытые лица, их голоса, их подвиги оставили в моей памяти неизгладимый след.

О некоторых из них я попытаюсь рассказать, чтобы память о них не ушла в прошлое, осталась в наших сердцах.

С лета 1943 года я получил назначение в формируемый 112-й авиаполк особого назначения. Он формировался на аэродроме близ города Серпухова, в Подмосковье, по инициативе команду-

ющего Aviацией Дальнего Действия Красной Армии, маршала Голованова.

Основными боевыми задачами нового полка предполагалось подавление противовоздушной обороны противника для обеспечения массированных атак Aviации Дальнего Действия по стратегическим целям в глубоких тылах противника, а также «свободная охота» одиночных экипажей в ночное время с низких высот полёта по аэродромам, морским портам, железнодорожным воинским эшелонам противника.

Состав полка подбирался из лётчиков, штурманов, радистов Военно-Воздушных Сил, Гражданского воздушного флота и Полярной авиации, имеющих большой практический опыт полётов в наиболее сложных погодных условиях в любое время суток.

Достаточно сказать, что в состав авиаполка вошли восемь Героев Советского Союза, в том числе один из них, подполковник Василий Осипов, этого звания был удостоен дважды.

Полк получил на вооружение необычные самолёты американского производства. Две эскадрильи были вооружены самолётами A-20-G и одна эскадрилья — самолётами B-25.

Самолёты A-20-G — модификация серии «Бостон» — были предназначены для штурмовых атак с низких высот полёта, имели мощное вооружение: 4 автоматических пушки калибра 20 мм и 2 крупнокалиберных пулемёта 12 мм в носовой части фюзеляжа, плюс восемь РС (реактивных снарядов).

Весь этот залп огня управлялся командиром экипажа гашетками, расположенными на рукоятке управления самолётом, через мощный оптический прицел. Хвостовая часть самолёта защищалась двумя турельными пулемётными установками штурманом и стрелком-радистом.

Самолёты «B 25», также двухместные лёгкие бомбардировщики, были оснащены фотокамерами с большим запасом

широкоформатной фотоплёнки. Основное предназначение — фоторазведка и фотосъёмка результатов бомбометания по стратегическим целям частями и соединениями Авиации Дальнего Действия, а также разведка погоды и освещение целей специальными осветительными снарядами, спускаемыми на парашютах.

Первым командиром 112-го авиаполка был назначен подполковник Павел Иванович Бурлуцкий, Герой Советского Союза, до войны служивший на Дальнем Востоке. Он возглавил формирование, организацию обучения и боевой подготовки экипажей. Лично сам участвовал во всех боевых вылетах полка.

Павел Иванович пользовался любовью и глубоким уважением всех без исключения, начиная от рядового солдата и сержанта, до любого из старших офицеров. Говорил всегда спокойно, не торопясь. Терпеть не мог нецензурностей и грубости.

На одном из офицерских собраний полка сказал: **«Пусть каждый из вас, товарищи, поймёт, что, выражаясь нецензурно, вы не только оскорбляете достоинство человека, но и, прежде всего, добровольно унижаете самого себя: вы становитесь на голову ниже своего собеседника. Я твёрдо и безоговорочно предупреждаю всех вас, что любому офицеру, независимо от занимаемой им должности и воинского звания, позволяющему себе эту мерзость, буду задерживать представление на повышение по службе и в воинском звании. И надолго».**

Катастрофическая гибель экипажа подполковника Павла Бурлуцкого летом 1944 года была для всех нас, для всего полка жестоким потрясением. При возвращении с боевого задания, на подходе к аэродрому его самолёт неожиданно сорвался в пике с высоты около 800 метров, разбился и сгорел. Всё произошло за считанные секунды. Экипаж — штурман, подполковник Рудницкий, радист, младший лейтенант Ахмаметов, — все погибли.

Похоронены они на площади города Староконстантинова на Украине. Сейчас там установлена стела — памятник погибшему экипажу.

«ЖЕЛЕЗНЫЕ» НЕРВЫ

Если уж говорить о «железных» нервах, то я расскажу вам о лейтенанте Али Малгобекове, штурмане, с которым мне пришлось слетать на боевое задание лишь однажды. Но этот полёт и дорогого моему сердцу Али я буду помнить до конца жизни.

Наш полк в шутку называли «интернационалом». Мне рассказывали ребята, что однажды для вручения боевых наград в полк прибыл генерал, член Военного Совета фронта. Прошёлся вдоль строя полка, поздоровался со всеми, вручил награды. А потом и говорит командиру полка Даутину: «Да, у тебя, Даутин, я гляжу, не полк, а интернациональная бригада!?»

Все засмеялись. Но с тех пор так и прижилось — «интернационал». И правда, служили в полку грузины и татары, русские и украинцы, армяне и чуваша, белорусы и эстонцы. В общем, представлены были едва ли не все наши республики. Так вот, Али был единственный в полку ингуш. Рано потерявший родителей, он беспризорничал, объехал в «собачьих ящиках» под вагонами весь Кавказ. В десять лет в Баку попал в детский дом, а потом в Харьков, в знаменитую коммуны имени Дзержинского к Макаренко. Оттуда, достигнув призывного возраста, — прямиком в военное училище штурманов. Вот и вся его несложная биография.

В полку Али любили все и, прежде всего, за очень добрый характер. Дружен он был со всеми. Покорял каждого своим ровным и, я бы сказал, очень товарищеским отношением. Был всегда

Владимир Сергеевич Могилевский

правдив во всём. Любая, даже самая малая ложь, его просто оскорбляла. В полку он слыл одним из лучших штурманов. Все лётчики любили летать с этим прекрасно знающим своё дело, уравновешенным, спокойным и бесстрашным лейтенантом.

Вообще-то, у Али был свой командир экипажа — капитан Кайгородов. Но после ранения вот уже месяц как он лежал в госпитале, и Али приходилось летать на задания почти со всеми лётчиками полка, если кто по той или иной причине оказывался без штурмана.

Накануне мой неизменный штурман Вася Колычев «сподобился» простудиться. Да так, что начисто потерял голос и произносил трагическим шёпотом какие-то нечленораздельные, свистящие звуки. Я был вынужден отправить его в санчасть.

Полковой врач, пожилой капитан Вакуленко, а попросту «дед Вакула», долго слушал Васькины оправдания и объяснения. Потом пригладил свою седую шевелюру, пошевелил «шевченковскими» усами, выслушал, выстукал могучую Васькину грудь, вздохнул и коротко отрезал глуховатым баском: «У лазарет!».

Спорить с дедом Вакулой было бесполезно. Васька это знал хорошо и молча поплёлся в лазарет. Так я остался на ближайшие дни без штурмана. Вот почему в этот день на задание штурманом со мной полетел Али.

Надо сказать ещё об одном обстоятельстве, предшествовавшем этому полёту и имевшем к нему прямое отношение. Буквально за два дня до этого в полк прибыло пополнение — пятеро молодых ребят — трое пилотов и два штурмана.

Лётчики были молоды в полном смысле этого слова — самому старшему едва исполнилось девятнадцать лет. Они только что окончили военную школу пилотов, получили звание сержантов. Все боялись, что война закончится без их участия, и рвались на боевое задание.

Прибытие пополнения само по себе — событие радостное, тем более, что его ждали давно. Полк не отдыхал, нёс изрядные

потери, и с каждым днём всё труднее было составлять боевые группы.

Боевые задания, которые ставились полку, требовали полётов девятками. Однако нам приходилось вылетать звеньями по три самолёта. В лучшем случае, на самую ответственную цель удавалось кое-как наскрести на вылет пару пятёрок. Экипажи вылетали по несколько раз в день, от зари до зари, не имея отдыха.

Но радость прибытия нового пополнения для командира была омрачена тем обстоятельством, что все молодые пилоты не были обучены в школе групповому полёту. Те несколько учебно-тренировочных полётов в составе пары, которые были занесены в их лётные формуляры, как выяснилось из беседы, они выполняли не самостоятельно, а с инструкторами.

Командир полка, подполковник Даутин, закурил папиросу, задумался. Сейчас новички только что вышли от него. Пятеро молодых пареньков, недавно окончивших школу пилотов. Штурманы не в счёт, они опытные ребята: один из них успел повоевать, прибыл из госпиталя, а второй — из запасного полка, где служил штурманом звена. Но лётчики...

Полк был легко-бомбардировочным, вооружённым самолётами Су-2. Машина эта, выпущенная перед войной, по тем временам была хорошая. Но она быстро устарела, так как имела недостаточную броневую защиту, да и бомбовая нагрузка была маловата. **Успех каждого боевого вылета полностью зависел, прежде всего, от слётанности группы, умения маневрировать в зоне зенитного огня и при нападении истребителей противника.**

Командир полка вышел из землянки, в которой размещался командный пункт, остановился, глядя вслед этим молодым, разгорячённым ребятам. Они шли к самолётным стоянкам, громко переговариваясь, возбуждённые и обрадованные тем, что, наконец-то, прибыли в боевой полк, оставив позади надоевшие стены школы.

Он смотрел им вслед и мучительно думал о том, что вскоре должен будет послать их в бой, неопытных, необстрелянных.

Вполне возможно, для кого-то из них этот вылет окажется не только первым, но и последним. И что надо сделать как-то так, чтобы в условиях прифронтового аэродрома и напряжённой боевой работы дать возможность потренироваться молодым, потому что самая главная опасность для них сейчас — это неумение летать в группе. Оторвёшься от строя — и в момент сожрут «мессера».

Даутин злился на «школяров» — «Готовят, обормоты, боевых лётчиков, а тому, что прежде всего необходимо на войне, не обучают! Ищут, как бы поспокойней да поменьше рисковать!»

Теперь, я думаю, будет понятно, почему мне пришлось в этот раз лететь именно с Али и почему, собственно говоря, произошло то самое событие, которое потребовало от него железной выдержки.

Задание на вылет было получено около 10 часов утра. Нам была поставлена задача — нанести бомбовый удар по отступавшим войскам противника на развилке дорог неподалёку от станции Неберджаевской. К вылету готовилась пятёрка экипажей. Ведущим был командир первой эскадрильи капитан Казаков. Я летел правым ведомым. Замыкал правый фланг пятёрки один из новеньких — Толик Усков.

Перед вылетом Казаков уточнял задачу, маршрут и манёвр над целью, предупредил Ускова: «Держись в группе прочно, будь особенно внимателен во время маневрирования. Ни в коем случае не отрывайся от группы — пропадёшь ни за что!»

Толик восторженными глазами смотрел на капитана, повторяя: «Слушаюсь, я постараюсь, товарищ капитан!»

Признаться, мне не очень верилось, что Толик выполнит своё обещание, и я, конечно, сами понимаете, не был в восторге от такого соседства справа. **Когда летишь на серьёзную цель, как-то спокойнее чувствуешь себя, если твой хвост прикрыт надёжным экипажем.** А тут ещё Казаков, отозвав меня в сторонку, доверительно предупредил меня: «Знаешь, за парнишкой-то приглядывай, не давай ему отрываться от тебя».

«Ладно, всё будет хорошо, не беспокойтесь».

Взлетели мы по одному, собрались в группу. Толик пристроился позновато, но, в общем, сносно, и шёл некоторое время на увеличенной дистанции. Так ему было приказано, чтобы дать возможность освоиться в группе.

При подходе к линии фронта его самолёт, — как сейчас помню, голубая «шестёрка», — шёл уже вполне нормально, на заданной дистанции. Мне было хорошо видно довольное лицо Толика, а губы его растянулись в улыбке, когда я через открытую форточку кабины показал ему большой палец.

Цель была недалеко за линией фронта. Штурманы открыли бомболюки. Перед целью нас встретил довольно плотный огонь зениток. Казаков сманеврировал, и мы проскочили это место благополучно, только я почувствовал, как машину основательно трянуло. У меня ещё мелькнула мысль, что неподалёку разорвался зенитный снаряд. Взглянул вправо на ведомого, сердце ёкнуло — голубой «шестёрки» на месте не было.

Но вертеть головой было некогда — вот-вот пойдут бомбы, а мне ещё надо быть особенно внимательным — Али обязан сфотографировать результаты бомбометания. Тут уж держи курс и высоту «по струночке», а то «пшик» привезёшь!

Отбомбились, сделали разворот. Оглядываюсь назад — идёт голубая «шестёрочка», как миленький, цел и невредим! И не дымит как будто. Только уж больно далеко в стороне. Правда, на его счастье, ни одного «худого» в воздухе не было. А то бы съели его за милую душу!

Открыл форточку полностью, показываю рукой, подзываю поближе. Трясёт головой, бледный такой, и ближе никак не подходит. А штурман Али помалкивает. Только один раз сказал мне по внутреннему телефону, причём с акцентом: «Нэ нада, камандир, нэ зави его, пускай так ходыт»...

На Су-2 штурман отделён от лётчика бронеспинкой и приборной доской, так что посмотреть в его сторону я не имел никакой возможности. Мне ничего не оставалось, как пожать плечами.

И... только я хотел возразить Али, как увидел слева сбоку пару «мессеров». Летали мы без радио, и ведущий, также увидевший истребителей, покачиванием с крыла на крыло дал команду сомкнуться для боя. Быстро взглянув вправо, я увидел, что голубая «шестёрка» идёт, как вкопанная, в хорошем плотном строю. Мелькнуло побледневшее, напряжённое лицо Толика. Его штурман уже развернул турель навстречу приближающимся истребителям.

Бой был коротким. Мы как раз перелетели линию фронта. Истребители сделали одну атаку и встреченные дружным огнём из пяти турелей почему-то ушли. Штурман крайнего левого ведомого нашей пятёрки утверждал, что один из нападавших «мессеров» задымил. Но остальные экипажи этого не видели, и падения самолёта никто не наблюдал. Так что об этом говорить не приходится.

До самого аэродрома мой ведомый справа шёл отличнейшим образом. Мне хорошо было видно лицо Толика, и я даже обратил внимание на его какой-то странный взгляд, которым он мне отвечал.

Перед заходом на посадку Али мне сказал: «Командир, пропустим ведомого, пусть садится первым. А мы сядем после всех».

Я согласился, Али был прав.

Мы зашли на посадку последними. После выпуска шасси машина вела себя как-то странно, стремясь увеличить угол снижения. Но всё же сели мы, в общем, благополучно.

Зарулив на стоянку, я выключил мотор и увидел, что к нашему самолёту со всех сторон бегут люди.

Когда я вышел из кабины на крыло, сзади самолёта уже собралась толпа — десятка два технического состава от соседних стоянок.

Я взглянул на стабилизатор и... потерял дар речи! У нашего самолёта была лишь половина руля высоты! Вторая его половина была

начисто обрублена. Теперь мне стала понятна причина странного, необычного поведения машины в полёте и при посадке.

Подошёл Али, положил руку мне на плечо. Сказал негромко: «Толик не виноват, командир. Он шёл в плотном строю хорошо. А когда снаряд разорвался сзади, его самолёт сильно встряхнуло, и он краем винта слегка зацепил наш стабилизатор и руль высоты. А вторая половина уцелела. Вот и всё обошлось»

«Что же ты, Али, мне ничего не сказал?»

«Я очень боялся, что ты, командир, испугаешься, и тогда мы упадём...»

Он смотрел на меня добрым взглядом, с лёгкой улыбкой. Что тут скажешь — решение мудрое. А нервы у этого парня действительно «железные!».

Василий Александрович Борисов, полковник, Заслуженный полярник, Герой Советского Союза.

Этот человек возглавил высадившуюся на полюсе специальную группу, которая впервые в истории определила практически точное географическое положение Северного полюса Земли.

В этом месте полярники установили автоматический радиомаячок, непрерывно подающий сигналы в эфир; измерили толщину льда, расчистили и подготовили посадочную площадку.

И только после этого, через какое-то время, на льдине высадилась знаменитая экспедиция Папанина «Северный полюс».

Все участники этой операции получили правительственные награды, а Василию Александровичу Борисову было присвоено звание Героя Советского Союза. Об этом нигде и никогда не упоминалось в печати, всё было засекречено. Через много лет после войны эту историю мне рассказал сам Василий Александрович.

Во время Великой Отечественной войны Борисов был у нас заместителем командира авиаполка по лётной и боевой подготов-

ке. Летал он безупречно, в любую погоду, делал за ночь по два, а то и по три вылета. Обладал непререкаемым авторитетом не только в полку, но и у высшего командования.

Славился его экипаж боевым тактическим приёмом, который разработал Борисов вместе со своим штурманом — Героем Советского Союза майором Иваном Ивановичем Киньдюшовым. Для его выполнения требовались исключительное хладнокровие, выдержка и безукоризненное пилотирование.

При обнаружении на территории противника боевого аэродрома, действующего в ночное время, экипаж Борисова, пилотируя на небольшой высоте, наблюдал за обстановкой с безопасного расстояния. Обнаружив заходящий на посадку самолёт противника с включёнными бортовыми огнями и выпущенным шасси, наш самолёт пристраивался сзади. **Штурман посылал из турельной установки длинную прицельную очередь по кабине немецкого пилота, после чего наш самолёт быстро уходил в сторону на низкой высоте. Вражеский самолёт падал и сгорал полностью.**

Борисов вместе со своим штурманом выполняли самые сложные и ответственные боевые задания, отличались особым мужеством, смелостью.

Никто никогда не слышал от Василия Александровича ни одного грубого слова или даже повышенного тона. Свои приказания он отдавал спокойно, твёрдо и всегда доброжелательно. Ко всем обращался на «вы», независимо от того, был ли его собеседник офицером или рядовым солдатом. И выполнялись приказания немедленно и очень точно.

После войны Василий Александрович вернулся в Полярную авиацию, где продолжал трудиться до выхода на пенсию.

В последние годы проживал в Подмоскowie, в городе Лобня, много и охотно общался с молодёжью. В Лобне его имя присвоено средней школе.

*Президенту Республики Беларусь
Лукашенко Александру Григорьевичу
Могилевский Владимир Сергеевич,
гвардии подполковник в отставке,
ветеран Великой Отечественной войны,
ветеран труда, военный
лётчик 1-го класса
Великий Новгород, 173001,
ул. Б. С.-Петербургская,
д. 18/98, кв. 33.*

Уважаемый Александр Григорьевич,

Решаюсь обратиться к Вам, так как искренне убеждён, что при всей Вашей занятости серьёзнейшими и неотложными вопросами государственной важности Вы примете близко к сердцу наше к Вам обращение.

Постараюсь изложить суть дела, по возможности, кратко.

Речь идёт о трагической судьбе нашего боевого товарища, однополчанина, гвардии лейтенанта Владимира Ивановича Ивакина, погибшего при выполнении боевого задания в ночь накануне освобождения города Бреста от немецко-фашистских захватчиков, в октябре 1944 года.

Мы служили и воевали в составе 200-го гвардейского авиационного полка Aviации Дальнего Действия. Этот полк имел статус «полка особого назначения».

Он, единственный в ВВС, был укомплектован особо опытными экипажами, свободно летающими ночью, в облаках, при максимально допустимых по сложности метеорологических условиях.

Летали на модернизированных 2-моторных самолётах А-20-Г американского производства, имевших мощное вооружение для штурмовых атак в ночное время наземных целей на высоте — от 300 метров до бреющего полёта.

Так, командир корабля вёл огонь на поражение цели из 4-х пушек калибра 20 мм с запасом зажигательных и бронебойных снарядов в 120 шт. и 2-х крупнокалиберных пулемётов (12,5 мм) с запасом 250 патронов каждый.

Кроме того, наши конструкторы добавили по 8 реактивных снарядов. Весь огонь управлялся командиром корабля через оптический прицел с пульта, установленного на штурвале самолёта.

Самолёт имел в баках запас горючего, обеспечивающий непрерывный полёт до 8 часов, что позволяло экипажам вести длительные ночные боевые одиночные полёты на низких высотах в заданных секторах в глубоких тылах противника, имея задачу «свободной охоты» по автоколоннам, воинским эшелонам, аэродромам, морским портам, транспортам и т.п.

Второй очень важной и особой задачей экипажей полка было блокирование и уничтожение узлов ПВО стратегических целей на территории противника перед началом каждого массированного налёта наших соединений Авиации Дальнего Действия.

В данном случае, по результатам разведки, на каждый узел ПВО цели направлялись по 2 экипажа из полка. За 10-20 минут до начала массированного налёта основных тяжело-бомбардировочных сил, вызывая огонь на себя, они вели штурмовку позиций зенитной артиллерии и прожекторов, расположенных на подступах к объекту, чем обеспечивали успешность и безопасность наших основных сил.

В ночь накануне начала освобождения Бреста наш полк обеспечивал основную атаку частей и соединений АДД. Два наших экипажа — мой и лейтенанта В. Ивакина — получили боевую задачу — блокировать и уничтожить штурмовым огнём узел ПВО противника в юго-западном секторе цели — между городом Кобрин и юго-западной окраиной Бреста, где располагались несколько батарей зенитной артиллерии и около 20 прожекторов.

Мы заходили в атаку на цель с двух-трёхминутным интервалом и сделали три захода на цель. На четвёртом заходе мой штурман сообщил мне, что самолёт Ивакина горит.

Действительно, я увидел, как за атакующим самолётом Ивакина тянется огненный след. На мой вызов по радио Ивакин не отвечал, шёл на цель со снижением до бреющего полёта и открыл непрерывный залп огня из всех точек.

Так, не прекращая огня, он врезался в цель самолётом, разрушая и поджигая все позиции узла зенитной артиллерии на участке более 300 метров в длину, и взорвался.

В баках наших самолётов было около 7-8 тонн горючего. Теперь вы можете представить, каков был этот погребальный костёр!

Мы своим экипажем продолжали атаки по оставшимся прожекторам и зенитным точкам до полного израсходования боезапаса.

По возвращении с боевого задания в своём боевом донесении наш экипаж подробно описал подвиг Володи Ивакина и сдал донесение в оперативный отдел штаба авиаполка. Но по трагическому стечению обстоятельств его подвиг оказался забытым.

Освобождение Бреста явилось началом генерального наступления наших войск по всем фронтам, приведшего к разгрому фашистов, взятию Берлина и победному окончанию второй мировой войны.

Наш гвардейский полк вёл напряжённую боевую работу, нёс потери. Вскоре погибли командир полка, Герой Советского Союза гвардии подполковник Павел Бурлуцкий, и ещё несколько боевых товарищей. Сменилось командование полка, руководство штабом полка.

Полк был награждён орденом Боевого Красного Знамени. Ему было присвоено наименование «Брестский».

После войны 200-й гвардейский Краснознамённый Брестский авиаполк АДД в течение многих лет базировался в Белоруссии, в городе Бобруйске.

В октябре 1979 года все ветераны полка были приглашены на празднование 35-й годовщины освобождения Бреста. Нас собралось тогда более 120 человек.

В музее Воинской Славы Бреста нашему полку был посвящён отдельный зал. На стенах — портреты наших Героев Советского Союза (в полку их было 8, один из них — дважды Герой — Василий Осипов), а также выполненные крупным планом фотографии всех боевых экипажей; на почётном мраморном стенде были выбиты фамилии и имена всех участников боя.

К великому сожалению об экипаже лейтенанта Володи Ивакина не было ни слова. Он оказался забытым.

Мы обратились по данному вопросу к руководству города Бреста и присутствовавшим на торжестве представителям Верховного командования. Нас, ветеранов, внимательно выслушали и клятвенно обещали исправить ошибку.

Мы обращались также к командованию АДД и тоже получили обещание исправить «досадное недоразумение».

Но время шло, неоднократно менялось командование. За последние три десятилетия в дни юбилейных встреч мы, ветераны полка, снова и снова, устно и письменно пытались восстановить справедливость. Но безрезультатно.

Видимо, за массой первоочередных серьёзных дел и событий бессмертный подвиг нашего боевого товарища Володи Ивакина так и остался забытым.

Ежегодно, 10-го января, полк торжественно отмечал дату присвоения полку гвардейского звания, приглашая на торжество всех своих ветеранов.

И мы, все участники того памятного славного боя за освобождения Бреста, дали друг другу торжественное обещание, вернее, клятву — пока мы живы, будем просить о восстановлении светлой памяти Володи Ивакина!

Дорогой Александр Григорьевич! Близится 65-я годовщина Великой Победы. Из всех ветеранов нашего полка осталось в живых 5 человек. Это Миша Матросов, генерал в отставке, живущий в Луганске, Коля Быков, полковник, живущий в Тарту, Миша Большаков, полковник, живущий в Полоцке, Иван Волицкий, капитан в отставке, живущий в городе Сумы, и я, обращающиеся к Вам с этим письмом.

От имени всех ветеранов нашего славного гвардейского Брестского Краснознамённого авиаполка, ещё живых и уже ушедших из жизни, мы обращаемся к Вам, Президенту нашей родной Беларуси:

«Увековечьте светлую память нашего боевого товарища, героически отдавшего жизнь за освобождение Бреста!»

Мы не собираемся диктовать конкретные предложения. Вы — Президент Беларуси. Вы обладаете всей полнотой власти. Вы принимаете решение, в какой форме прославить и увековечить подвиг Володи Ивакина.

Об одном просим — не берите грех на душу, обязательно сделайте это святое дело!»

*С глубоким уважением, Могилевский В. С.
гв. подполковник
г. Великий Новгород*

06.03 2010

Дмитрий Литягин

Дмитрий Литягин
Орбит Оганесян
гр. 9061

Мы, внуки
и правнуки
ветеранов,
должны помнить
тот великий
подвиг, который
совершили наши
деды.

Да, враг был храбр. Тем больше наша слава

Участник Великой Отечественной войны Сергей Иванович Иванов родился в 1920 году в Демянском районе Новгородской области. В его биографии много такого, что делает её достойной лучших страниц нашей великой истории.

Ещё до войны С. И. Иванов окончил школу сержантов и 22 июня 1941 года встретил в строю действующей Красной Армии.

Вторым батальоном 36-го Краснознамённого полка 64-ой стрелковой дивизии командовал знаменитый человек — И. Н. Прудников. Этому батальону посвятил свой первый фронтовой очерк, «У переправы», Аркадий Гайдар.

С осени 1940 года батальон занимался строительством укреплений на берегу Западного Буга. Это была новая государственная граница страны после присоединения в 1939 году к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии. Батальон располагался в городе Луцке на Украине. Казалось, в самой атмосфере тех дней сквозила тревога. Уже все понимали, что вот-вот начнётся нечто страшное.

«21-го июня, — вспоминает ветеран, — командование отправило нас в поход, в полном боекомплекте. Через каждые 5 км — привал. Вечером дошли до какой-то дубравы и там заночевали. Утром я проснулся от острой боли в боку. Это командир будил меня и никак не мог разбудить: «Иванов!!! Проснись же ты!!! Война!!!».

Я выскочил на опушку. Вижу — летят немецкие самолёты, бомбардировщики. Так для меня началась война.

Несмотря на пролетающие немецкие самолёты и строящиеся немцами переправы, стрелять по врагу нам разрешили только с 18.00 22-го июня. Был приказ: «Первыми огонь не открывать!».

Сергей Иванович с горечью признаётся:

«Да, мы были не готовы к началу войны. Против нас выступила лучшая в мире армия, оснащённая новейшим вооружением и, главное, уже стреляная, побывавшая во всяких переделках. Немцы шли в атаку, закатав рукава,

Орбит Оганесян

а мои однополчане после первой же пули, пролетевшей над головой, долго не могли оторваться от земли».

Но сила духа, высокий патриотизм, сказались уже в первых сражениях. Младшим командирам, в том числе Сергею Иванову, выдали всего по обойме патронов (у солдат же их вовсе не было, только тесаки) и поставили задачу: освободить соседнюю заставу. *От крика «Ура!», с которым молодые бойцы бросились в лес, немцы разбежались, и первый бой прошёл почти без потерь.* Но уже во втором полегла половина батальона.

Дальше С. И. Иванова ждали новые испытания, в которых он в силу служебного долга и зову сердца принимал участие: Сталинградская битва, сражение за Киев, форсирование Дуная.

«Судьба хранила деревенского сироту, вспоминает ветеран. — Пройти войну без увечий было практически невозможно. Командуя отделением, взводом, батальоном, надо бежать впереди, поднимать в атаку остальных.

Как-то в бою одна из гранат упала прямо передо мной и разорвалась буквально в метре. Ноги посеколо осколками: семь вынули тогда врачи, а восемь «железяк» так и остались в ногах. Но если бы взрыв произошёл чуть дальше, в 2-3 метрах, то осколки прошли бы живот и грудь».

После лечения в госпитале Иванова направили на курсы младшего командного состава, и уже через полтора месяца молодой лейтенант опять прибыл на фронт. Командовал разведротой и миномётным батальоном. Опять случилось ранение, и уже в 1944 году, под самый Новый год, он прибыл в Будапешт, в родную часть, которая освобождала Европу. Встречу, по словам ветерана, ему устроили незабываемую. Более того, командир вручил ему орден Александра Невского и произнёс такие слова: «Не посылали его тебе, знали — вернёшься». Так оно и случилось.

Орден Александра Невского был учреждён в самый тяжёлый период Великой Отечественной войны — летом 1942 года. За подвиги и заслуги в период войны им было награждено более 40 тысяч человек. Орден пользуется особым почётом и уважени-

ем среди фронтовиков. Сейчас в Великом Новгороде живут три кавалера ордена Александра Невского, один из них — Сергей Иванович Иванов.

На наш вопрос: «Так за что же вас наградили этим орденом?», фронтовик ответил коротко: «За Явско-Кишинёвскую операцию». Затем, немного помолчав, рассказал несколько запомнившихся эпизодов из того времени.

«Через меня прошли сотни военнопленных. Во время Явско-Кишинёвской операции мы отсекли большую группировку немцев. Разведчики доложили, что каждую ночь немцы потихоньку уходят. Для маскировки они шли по полям, прячась в высокой кукурузе. Но надо было пересекать дороги. Командир полка дал мне «интернационал» (американский грузовик). С собой я брал нескольких разведчиков, обычно не больше восьми. Прибыв на место, мы прятали машину, сами тоже прятались у дороги и караулили. Когда появлялись немцы, им кричали: «Хэндэ хох!». Некоторые сразу поднимали руки, сдавались, другие пытались отстреливаться или просто убегали. Пленных мы привозили в часть. Само большее, помню, за один раз — 21-го человека».

И ещё эпизод.

«Как-то мне дали сутки на составление разведкарты. Я взял четверых разведчиков, и ночью мы пошли провоцировать немцев. Хитро привлекали к себе внимание. Немцы

Сергей Иванович Иванов

открывали огонь, а я ставил отметку на карте. То же самое делали другие группы, но моя разведсхема, по мнению командира, для наступления оказалась лучшей».

Это был первый случай. А вот — второй.

«При наступлении мы прорвали первую линию обороны. Вечером командир с тремя бойцами отправились за «языком». Думаю, схожу-ка и я. Взял с собой четверых человек. Немецкую оборону прошли удачно, без всякого шума. Дошли до первого провода, режем его, лежим и ждём, когда придут проверять линию. Ждём полчаса — никого нет, ещё полчаса — по-прежнему, никого. Пошли дальше, нашли второй провод, режем его — такая же картина. И вдруг видим — конный в седле. Мы сначала залегли на дорожке, затаились, подпустили ближе. Потом поймали, обыскали одежду, нашли пакет. Командир — пакет за пазуху и пошёл к нашим.

Мы остались и думаем, что так просто не уйдём, и решили вывести немного «шухера». Прошли чуть подальше и слышим ругань. Это немцы с ружьями какой-то мостик делают. И мы как ударили из всех стволов! Немцы в страхе — рассыпную. Мы ещё немножко прошли и увидели противотанковую батарею. Ну, мы назад, к своим, и докладывать. Вот, может, и за это ещё орден. А пакет оказался очень важный: от одного командующего армией к другому».

День Победы Сергей Иванович встретил в Альпийских Альпах в должности командира дивизиона.

Родина высоко оценила его ратный труд: орден Александра Невского, два ордена Отечественной войны 1-ой степени, орден Отечественной войны 2-ой степени, два ордена Красной Звезды, много медалей.

После войны фронтовик вернулся домой, на Новгородчину, где ещё до войны окончил Старорусский педагогический техникум. Он и сейчас в строю, ведёт активную и содержательную патриотическую работу.

Живых свидетелей тех страшных событий становится с каждым годом всё меньше. **И скоро их не останется совсем. Но память о них не должна уходить в прошлое.** Она будет жить!

Мы, внуки и правнуки ветеранов, должны помнить тот великий подвиг, который совершили наши деды, знать, как это страшно, когда происходят великие войны, в которых гибнет огромное количество людей, понимать, что войны останавливают развитие человечества, что потом нужны годы и годы на восстановление.

Сергей Иванович Иванов

Мы должны знать и помнить, какой ценой завоёвана наша сегодняшняя, пусть не очень счастливая, но мирная жизнь, быть патриотами своей Родины и, по примеру таких людей, как Сергей Иванович Иванов, быть смелыми, никогда не терять человеческого достоинства и чести.

Марина Шарыпина

Лидия Алексеевна Шарыпина

Марина Шарыпина
гр. 9041

Теперь здесь памятник стоит

Когда началась война, моей бабушке Шарыпиной Лилии Алексеевне было 17 лет. Она жила в деревне Новоселицы Новгородского района, была комсомолкой.

В начале войны комсомольцев посылали в Валдай на строительство оборонительных сооружений: рыть окопы, делать противотанковые заграждения. Жителей Новоселиц во время войны не эвакуировали, и Лилия Алексеевна всю войну прожила дома. В 1943 году Новгород горел, горела нефтебаза, и поэтому многие горожане были эвакуированы в Новоселицы и другие деревни. Город опустел.

В 1944 году Новгород был освобождён, и комсомольцев отправили на восстановление города. Вместе с Лилией было ещё 40 человек из разных деревень. Получили задание — очистить драмтеатр, где немцы устроили конюшню. Задание выполнили за три дня. Кормили их в воинской части на полевой кухне.

Следующее задание особенно запомнилось: расчищали территорию Новгородского кремля, разбирали завалы. На месте нынешнего монумента Победы было много деревьев, опутанных петлями. При немцах там были виселицы. Вешали командиров советской армии, коммунистов, партизан и вообще всех, кто не угодил оккупантам. **Когда комсомольцы пришли в кремль, им первым делом пришлось снимать с виселицы трупы пятерых повешенных.** Позже их похоронили на кладбище в Белой горе.

Потом группу ребят присоединили к строительной бригаде, как подсобных рабочих. Уже тогда организовывались разные курсы, и многие освоили профессии каменщиков, маляров, штукатуров.

Через какое-то время семья Лилии Алексеевны переехала в Новгород. В городе строился полупроводниковый завод имени Ленинского комсомола, где она устроилась подсобным рабочим.

Жить в Новгороде в то время было практически негде, город был полностью разрушен. Лилию Алексеевну поселили в барак, который находился там, где сейчас находится Политехнический институт.

Война никого не щадит, но в то военное время труднее всего приходилось женщинам, которые остались без мужской опоры и со всеми бедами справлялись сами. Именно они несли на своих плечах все тяготы нелёгкого крестьянского труда, делая всё для фронта, всё для победы. Это они, несмотря на болезни, голод, холод, отсутствие жилья, первыми взялись за восстановление городов и сёл, работая ежедневно, без выходных, по 11-12 часов.

Память о Великой Отечественной войне должна сохраниться, чтобы не повторилась та страшная беда, которая пришла на нашу землю в 1941 году.

Анастасия Казенина

Анастасия Казенина
гр. 9371

Каждый их них
внёс свою строчку
в летопись великой
войны и Великой
Победы.

Давали клятву партизаны

Нина Степановна Карасёва (в девичестве Савельева) родилась в 1925 году в деревне Светлицы Солецкого района в семье учителя. Её мать умерла рано, отец остался с четырьмя малолетними детьми.

Летом 1942 года немцы решили всех жителей оккупированной деревни отправить в Германию, но добровольно записались только пять семей. Остальные, в том числе и семья Савельевых, ушли в лес. Так пятнадцатилетняя Нина оказалась в партизанском отряде, сначала в 3-ей, а потом 5-ой партизанской бригады. Её определили в хозяйственную часть: мыть посуду, варить еду, стирать бельё, чинить одежду, морить вшей.

С продуктами поначалу было трудно. **Убивали жирных немецких лошадей, тем и кормились.** Долгое время не было даже соли,

потом её сбросили с самолёта в соседнюю деревню. Разведка иногда приносила хлеб, картошку, тушёнку.

Когда уже вовсю полыхала война, партизаны минировали железную дорогу, пускали под откос вражеские эшелоны. В одном тяжёлом бою на территории Псковской области отряд потерял сразу 70 человек. Выносить раненых с поля боя помогали подростки. Клали на шинель или одеяло и волокли до штаба. Врачей в бригаде не было, только фельдшер. Он мог зашить и обработать рану и прямо на месте сделать несложную операцию. Нина, единственная из девочек, не боялась крови и во время операции всегда держала лампу. Тяжелораненых отправляли через Валдай и Хвойную в Ленинград. Лекарств не было. Лечились, в основном травами, раны промывали марганцовкой. По ночам хоронили мёртвых.

Пленных немцев, выполняя приказ, не расстреливали, Снимали с них тёплое шерстяное бельё, а на них надевали наше. Потом немцев отправляли в Валдай, а оттуда — на Большую землю. Их дальнейшая судьба неизвестна.

Отступая, немцы сожгли деревню. В первое время после освобождения Савельевы жили в бане. Но они не унывали, все ждали конца войны. Сельсовет выдавал «хлебные карточки». Жить было можно, бывали и худшие времена.

Зимой 1945 года Савельевы переехали в Новгород и поселились в бывшем немецком бараке. Когда им вернули корову, то они смогли продавать молоко и покупать хлеб.

Нина Степановна Карасева

Нина Степановна устроилась на работу: сначала — в трикотажную артель, а потом — на швейную фабрику «Весна», где целых 22 года проработала экспедитором-кладовщиком. Познакомилась с будущим мужем, который был строителем, восстанавливал разрушенный город. После свадьбы получили однокомнатную квартиру. В молодой семье родилось двое сыновей, растить которых помогала свекровь.

Уйдя на пенсию, Н. С. Карасёва какое-то время работала администратором в общежитии.

В годы войны была дважды ранена. Имеет государственные награды.

Многие из нас, к счастью, не извели тех бед, которые выпали на долю наших дедов и прадедов, бабушек и прабабушек на фронте или в тылу. О мытарствах каждого рассказывать — не хватит и толстенной книги.

Сколько советских людей прошло через страшное горнило тех незабываемых лет! Слава Богу, многие из них ещё живы, пусть уже и немощны: не только по вине старости, но и от пережитого. Точнее будет сказать — от нечеловеческих потрясений и напряжения, как физического, так и душевного. Каждый из них внёс свою строчку в летопись великой войны и Великой Победы.

Низкий им поклон!

Анастасия Казенина
гр. 9371

Мы помним

Мой прадед, Змызгов Николай Афанасьевич, родился в 1912 году в деревне Монастырь Нагорского района Кировской области.

Работал бухгалтером в колхозе, был членом ВКП(б). Участвовал в Советско-Финской войне.

С первых дней Великой Отечественной войны был призван на фронт. Осталась дома беременная жена с годовалым ребёнком на руках. После ранения прадед получил краткосрочный отпуск. **Приехал домой, увидел своих маленьких детей. Подержал на руках сына, покачал в люльке плачущую новорождённую дочь... А в ноябре 1944 года его семья: жена Змызгова Татьяна Степановна, сын Николай 4-х лет, дочь Маргарита 2-х лет и 10-и месяцев и сестра Марфа получили похоронку:**

Николай Афанасьевич Змызгов

«Ваш муж, отец, брат Змызгов Н.А., старшина 612 стрелкового полка 144 стрелковой дивизии, погиб 4 ноября 1944 года в боях за Родину. Похоронен в гор. Шталлупенен в Пруссии».

Николай Афанасьевич Змызгов

Шталлупенен — город Нестеров Калининградской области.

Место захоронения

Теперь Шталлупенен — город Нестеров Калининградской области.

И остались сиротами маленькие дети. За отца получали пенсию — 70 рублей, которой едва хватало, чтобы не умереть с голоду. Через 10 лет, в 1954 году, умерла мама. Похоронка затерялась, и дети знали об отце только по рассказам родственников и немногим фотографиям.

Их детство прошло в голодной послевоенной деревне. Сиротство навсегда осталось в душе незаживающей раной. Но была гордость за отцов и матерей, которые выстояли в суровые военные годы, и эта гордость помогла им вырасти достойными людьми.

В 2007 году дети, внуки и правнуки моего прадеда через Центральный архив министерства обороны установили повторно место его захоронения. С тех пор они уже несколько раз побывали в Калининградской области. Ученики и учителя местной школы шефствуют над братской могилой. В школе в музее Воинской славы есть фотография Николая Афанасьевича Змызгова, моего прадеда. Наша семья поддерживает отношения с ребятами, в мае мы ежегодно обмениваемся поздравительными открытками ко Дню Победы.

**МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)**

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ

142100, г. Подольск, Московской области

Казениной М.Н.

пр. Корсунова, 21/1-27
гор. Великий Новгород
173016

« августа 2007 г. № 9 / 148217 »

На № _____

Архивная справка

По документам учёта безвозвратных потерь сержантов и солдат Советской Армии установлено, что _____

- старшина 612 стрелкового полка 144 стрелковой дивизии **Змызгов Николай Афанасьевич**, 1912 года рождения, уроженец Кировской области Нагорского района Шнарского с/с дер. Монастырь, призван Нагорским РВК, погиб 4 ноября 1944 г., похоронен: гор. Шталлупенен В.Пруссия (ныне гор. Нестеров Калининградской области).

Жена- Змызгова Татьяна Степановна проживала по месту рождения учтенного.

Основание: ЦАМО, дон. 116830с- 1945г./ д.51/8, т.2- 2007г.

Примечание: в/звание- так в документе.

Приложение: от н/вх №148217 ксерокопия свидетельства о браке на 1 листе- адресату.

Зав. архивохранилищем

Исп.Халина, би

Баслядинский

Ф. № 142-о

Тип. ЦАМО Зак.7-06

*На фото слева направо: Клавдия Ивановна Абрамова,
Агнесса Георгиевна Любимова, Владимир Сергеевич Могилевский*

**Вам, живым и павшим героям
Великой Отечественной войны,
посвящается этот сборник**

*Пусть звенят ордена, позолотой сверкая,
Отголоском приказа: «Ни шагу назад!»...
...Честь и слава героям переднего края,
Поседевшим в боях от тяжелых утрат!*

Михаил Богданов (2000 г.)

Историко-краеведческое издание

Нам нужна эта память

Сборник эссе к 67-летию Великой Победы

Составитель
Булгакова Алла Филипповна

Оригинал-макет подготовлен
Политехническим институтом НовГУ

Подписано в печать 13.03.2012. Формат 90×60/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Усл.печт.л. 9,5
Тираж 200 экз. Заказ № 007.

Вам, живым и павшим героям Великой Отечественной войны, посвящается этот сборник

*Пусть звенят ордена, позолотой сверкая,
Отголоском приказа: «Ни шагу назад!»...
...Честь и слава героям переднего края,
Поседевшим в боях от тяжелых утрат!*

Михаил Богданов (2000 г.)

